

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

*Сборник статей по материалам
XLV-XLVI международной научно-практической
конференции*

№ 1-2 (44)
Февраль 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 34
ББК 67
В74

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Андреева Любовь Александровна — канд. юрид. наук, доц. Российского государственного гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права филиала РГГУ, г. Великий Новгород.

Редакционная коллегия:

Жамудинов Виктор Николаевич — канд. юрид. наук РК, заведующий кафедрой экономики, права и философии Павлодарского государственного педагогического института, Республика Казахстан;

Калтинская Ольга Евгеньевна — канд. юрид. наук, доц., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Кириянов Артем Юрьевич — канд. юрид. наук, доц., председатель Исполнительного комитета Российского Союза налогоплательщиков, член-корреспондент РАЕН.

В 74 Вопросы современной юриспруденции / Сб. ст. по материалам XLV-XLVI междунар. науч.-практ. конф. № 1-2 (44). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 134 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Вопросы современной юриспруденции» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Административное право и процесс	6
ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ Шаталов Евгений Анатольевич Малаева Лариса Олеговна	6
Секция 2. Гражданский и арбитражный процесс	11
ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Мальцев Олег Валерьевич Соснин Константин Сергеевич Степанов Игорь Андреевич	11
Секция 3. Конституционное право	20
РОЛЬ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И СОГЛАСИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ Жусупбекова Мадина Койшибаевна	20
НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП Климова Марина Игоревна	25
ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ПРАВОВОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ ГРАЖДАН Пучкова Виктория Викторовна	30
Секция 4. Международное право	35
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Искевич Ирина Сергеевна Сахаров Александр Викторович	35
Секция 5. Муниципальное право	40
К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ Андреева Любовь Александровна	40

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ) Андреева Любовь Александровна	45
Секция 6. Право зарубежных стран	51
ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В ЧЕШСКОМ ПРАВЕ Витоул Властимил Лаврушин Константин Владимирович	51
НОРВЕЖСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ Насонов Сергей Александрович	56
Секция 7. Правовые основы государственной и муниципальной службы	62
ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ СССР В 1960—80-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ) Нуруллаев Рубин Рафаэльевич Имашева Марина Маратовна	62
Секция 8. Правоохранительные органы	68
МЕСТО И РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В РАБОТЕ СУДЬИ Филин Дмитрий Михайлович Боровков Александр Владимирович	68
Секция 9. Страхование, медицинское, образовательное право и нотариат	74
ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА И ЕЕ МЕСТО В СТРУКТУРЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЛЕЧЕНИЯ (ЯТРОГЕНИЙ) Колоколов Георгий Рюрикович	74
СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ ГРАЖДАНАМ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (СРАВНИТЕЛЬНО- ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ) Семенцул Сергей Владимирович	79

Секция 10. Теория государства и права	91
МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ Степанова Альбина Афанасьевна Колесова Ньургуйаана Васильевна	91
ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ Савченко Дмитрий Александрович	95
ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИНЦИПОВ ОБЪЕКТИВНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАВА Штурцев Юрий Юрьевич	100
Секция 11. Уголовное право	106
КОЛЛИЗИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР Усынин Владислав Витальевич	106
СОСТОЯНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ Дядюн Кристина Владимировна	110
ЛИЧНОСТЬ РЕЦИДИВИСТА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XX ВЕКА Меликов Эльнур Мамедагаевич	116
ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОБВИНЯЕМЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ Терегулова Алсу Илдусовна	121
Секция 12. Финансовое право и финансовая политика	127
ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ФИНАНСОВО- ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Войкова Наталья Андреевна	127

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

ПРЕСТУПНОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ

Шаталов Евгений Анатольевич

*канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедры уголовного права и процесса
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
РФ, г. Абакан*

Малаева Лариса Олеговна

*магистрант 2 курса, института истории и права
Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова,
РФ, г. Абакан
E-mail: malaeva.lorik@yandex.ru*

JUVENILE DELINQUENCY: THE INFLUENCE OF FAMILY

Shatalov Evgeniy

*candidate of legal Sciences, Professor, head. the Department of criminal
law and process of Khakass state University. N.F. Katanov,
Russia, Abakan*

Malaeva Larisa

*magistrant 2 course, Institute of history and law
Khakass state University. N.F. Katanov,
Russia, Abakan*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается влияние семьи на формирование личности несовершеннолетнего преступника и в целом преступность несовершеннолетних.

ABSTRACT

This article examines the influence of family on the formation of the identity of the juvenile offender and generally juvenile delinquency.

Ключевые слова: семья; преступность несовершеннолетних; профилактика и предупреждение преступности.

Keywords: family; juvenile delinquency; prevention; and crime prevention.

В настоящее время наше общество находится на достаточно высоком уровне развития. Несмотря на это динамика преступности среди несовершеннолетних показывает ее стремительное увеличение. Преступность среди несовершеннолетних охватывает все основные молодежные группы во всех аспектах как в социально-демографическом, так в территориальном и профессионально-образовательном. В настоящее время наблюдается тенденция распространения аморального поведения в обществе, дефицит духовности это свидетельствует о том, что преступность среди несовершеннолетних будет расти и дальше и преступления будут все более жестоки, дерзки и циничны. Криминологическая картина преступности среди несовершеннолетних меняется с каждым годом. Несовершеннолетними совершаются убийства и покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и изнасилование, вымогательство, разбои и преступления, связанные с наркотиками. Чаще всего несовершеннолетние совершают кражи, они составляют 59—60 %, грабежи 8—9 %, хулиганства 7 % [2, с. 103].

Проблема криминального поведения несовершеннолетних не теряет своей актуальности уже на протяжении многих лет. На преступность среди несовершеннолетних влияет множество факторов, главным из которых конечно остается семья.

Многие ученые утверждают, что в первые годы жизни ребенок получает от отца и матери, из их поведения до 80 % того, что необходимо для формирования человека как личности. Важнейшая функция семьи — психологическая защита, к сожалению, в последние годы деформируется. Неблагополучие в семьях способствует развитию и возникновению нервно-психических нарушений у несовершеннолетних, что в последствие способствует криминализации данной группы несовершеннолетних [1, с. 27].

В большинстве случаев криминализация несовершеннолетних наблюдается в неполных семьях. Чаще в тех семьях, в которых нет отца. Стоит отметить, что значительная часть несовершеннолетних,

совершивших преступления, воспитывались в таких семьях, где существовали ограниченные возможности воспитания детей или же в семьях, где непосредственно оказывалось отрицательное влияние взрослых. Примерно 20 % несовершеннолетних преступников воспитывались в семьях с очень низким жизненным уровнем [2, с. 104]

О влиянии семьи на преступность несовершеннолетних отмечается во многих работах юристов, психологов, социологов, практических работников. К тяжелым последствиям недостатков семейного воспитания относятся преступность, алкоголизм, наркомания и другие патологические явления, источником которых в большинстве случаев стали обстоятельства, окружавшие ребенка в семье.

Исследования показывают, что большая часть родителей так или иначе не готова нести такую ответственность, как воспитание детей. Более того исследования показывают, что в каждой десятой семье существует неблагоприятный криминогенный микроклимат. В 30—40 % случаях преступлений, которые совершили несовершеннолетние, было установлено, что отрицательное влияние оказывалось в семье, от старших членов этой семьи, которые в свою очередь употребляли наркотические вещества или же злоупотребляли алкоголем [1, с. 41]. Такие люди способны вовлекать подростков в группы, которые имеют преступную направленность. Данные группы способствуют формированию искаженных и ложных нравственных и правовых установок в сознании детей и является серьезным криминогенным фактором.

В семьях, где воспитываются несовершеннолетние преступники, чаще всего действия родителей по их воспитанию несогласованны и непоследовательны. Исследования показывают, что в $\frac{3}{4}$ случаях наблюдается потребительское воспитание, а в 60 % в семье наблюдается атмосфера беззаконности, игнорирования ребенка, попустительства [3, с. 39].

Криминогенная обстановка в семье, несомненно, влияет на ее членов. Среди несовершеннолетних преступников почти 60 % имеют судимых родителей. В таких семьях наблюдается жестокость и насилие. Изучая дела об убийствах, которые были совершены непосредственно несовершеннолетними, ученые выделяют, что частые преступления наблюдаются внутри такой семьи и предшествуют им длительные конфликтные отношения между будущей жертвой и несовершеннолетним. В каждой четвертой семье члены этой семьи систематически терроризировали несовершеннолетнего и других близких, пьянствовали и тем самым, сами спровоцировали преступление.

В этих семьях наблюдается аморальность, насилие в межличностных отношениях как способ общения [2, с. 105].

Возрастные особенности личности подростка начинают действовать в направлении преступного поведения не автоматически. Это наблюдается в тех случаях, когда наличие этих особенностей не учитывается в воспитании и контроле за возникновением безнадзорности, конфликтных ситуаций. Несовершеннолетние часто неверно понимают, что значит быть взрослым, смелым, как надо дружить. Это, при наличии определенных условий способствует формированию мотивов хулиганских действий и других преступлений и возникновению поводов для них. Семья в данном случае, является тем началом, которое должно показать подростку правильность его суждений и не довести до вхождения его в преступную среду.

В процессе предупреждения преступлений среди несовершеннолетних нужно оказывать необходимое воздействие на их семьи, так как в большинстве случаев антиобщественное поведение подростка связано с неблагополучием в семье. Для того чтобы профилактическая работа в семье несовершеннолетнего, способного к совершению преступлений, была успешной, существует необходимость сначала изучить такую семью во всех аспектах. Важно также владеть информацией, методами работы, разработанными психологами и специалистами в области психиатрии, использовать сведения из других областей знаний и практический опыт органов внутренних дел в индивидуальной профилактической работе. Необходимо усовершенствовать нравственно-психологический климат в семье, ведь для каждого семья — самое главное, самое важное звено в его воспитании. Семья является исключением, ведь именно в ней формируется форма восприятия внешнего мира, то есть сознания человека. Именно от этого в дальнейшем зависит развитие полноценной личности или же личности, которой свойственно отклоняющееся поведение. Конечно, не стоит утверждать, что только семья влияет на становление человека как личности, на это влияет множество других факторов, но бесспорно семья является неким началом, базой на которой формируется человек. В семьях, где царит отрицательный микроклимат, дети «впитывают» все отрицательное поведение взрослых, а в последствии и реализуют усвоенные ценностные ориентации в собственной жизни. В ряде благополучных семей дети не найдя внимания со стороны своих родителей ищут его в компаниях антиобщественного характера, что ведет к криминализации данной группы несовершеннолетних, а впоследствии они переносят данную модель поведения и на свои семьи. Семейное

воспитание — это большой труд. В воспитании несовершеннолетних также, важны методы работы психологов, учителей и органов внутренних дел. Необходимо чаще проводить беседы сотрудников ОВД с детьми, повышать их правосознание, психологам чаще проводить тренинги для выявления психологически неустойчивых детей с целью профилактики предупреждения преступности.

Список литературы:

1. Вологина Ж.Ю. Преступность среди несовершеннолетних / Ж.Ю. Вологина, Н.В. Спивакова, А.А. Камалов // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. — № 3. — 2012. — С. 64—69.
2. Лелеков В.А., Кошелева Е.В. Влияние семьи на преступность несовершеннолетних // Социологические исследования. — 2006. — № 1. — С. 103—112.
3. Самиулина Я.В. Семейное неблагополучие как причина преступности несовершеннолетних//Юридический аналитический журнал. — 2005. — № 4. — С. 37—42.

СЕКЦИЯ 2.

ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мальцев Олег Валерьевич

*канд. юр. наук,
преподаватель кафедры гражданского и муниципального права,
доцент Пермского филиала Национального Исследовательского
Университета Высшая Школа Экономики,*

РФ, г. Пермь

E-mail: malczevoleg@yandex.ru

Соснин Константин Сергеевич

*студент Пермского филиала Национального Исследовательского
Университета Высшая Школа Экономики,*

РФ, г. Пермь

E-mail: Ksosnin@inbox.ru

Степанов Игорь Андреевич

*студент Пермского филиала Национального Исследовательского
Университета Высшая Школа Экономики,*

РФ, г. Пермь

E-mail: iastep@yandex.ru

LEGAL PROTECTION OF TRADEMARKS IN RUSSIAN FEDERATION

Oleg Malczev

*candidate of Science, teacher of Civil and Entrepreneurial Right
department, assistant professor of National Research University
Higher School of Economics, Perm branch,
Russia, Perm*

Konstantin Sosnin

*student of National Research University
Higher School of Economics, Perm branch,
Russia, Perm*

Igor Stepanov

*student of National Research University
Higher School of Economics, Perm branch,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

Данная статья раскрывает тему правовой защиты товарных знаков в Российской Федерации. Рассматриваются как общая информация о товарных знаках, так и конкретные законы, с которыми связаны различные субъекты правоотношений. Основной вывод работы — в Российской Федерации высокий уровень развития защитных механизмов товарных знаков.

ABSTRACT

In this article, the legal regulation of trademark law is being considered. The article concerns general information within the topic, and extends to various laws, that can be encountered. Different tasks and methods were introduced to achieve the general aim of our work. In conclusion, it is stated that the legal regulation of trademark law in Russian Federation is developed.

Ключевые слова: закон; товарные знаки; правовое регулирование; Российская Федерация.

Keywords: law; trademark; legal regulation; Russian Federation.

В условиях современной динамично развивающейся экономики товарные знаки становятся всё более неотъемлемой частью экономических отношений. В то же время институт товарных знаков применя-

ется уже довольно долгое время. Бизнес — это среда с высоким уровнем конкуренции, поэтому в настоящее время товарный знак становится все более значимой единицей бизнеса. Соответственно, товарным знакам становится необходима правовая защита, соответствующая ее значимости.

Рассмотрим определение понятия товарного знака в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. Товарный знак — обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. Товарным знаком могут быть слова и рисунки, фразы и т. п. Такие обозначения называют по-разному: эмблема, логотип, товарная марка, брэнд, торговая марка, фирменный знак и т. д. [2].

На товарный знак признается исключительное право, удостоверяемое соответствующим свидетельством. Данное исключительное право действует на всей территории Российской Федерации. Обладателем исключительного права на товарный знак может быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель. Стать обладателем исключительного права на товарный знак можно, зарегистрировав товарный знак в государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания Российской Федерации (Государственный реестр товарных знаков) [1].

Юридически правовая защита товарного знака заключается в процедуре регистрации товарного знака и последующем исключительном праве на товарный знак [4]. Поэтому для рассмотрения правовой защиты необходимо, в первую очередь, изучить процедуру регистрации товарного знака.

Процедура регистрации товарных знаков происходит в несколько этапов. В первую очередь, необходимо выяснить, не используется ли выбранный товарный знак кем-либо еще. Если товарный знак уже существует, и на него есть свидетельство, то надо предпринять поиск товарных знаков в системе существующих видов товарных знаков, брендов, торговых марок. Для этого служит российская и международная база товарных знаков [3].

Имеются виды товарных знаков, брендов или торговых марок которые различаются по способам их создания как словесные, изобразительные и даже объемные, существуют также комбинированные из трех предыдущих видов или цветные (звуковые, обонятельные).

В связи с тем, что существует большое количество слов, не запрещенных цензурой, найти или подобрать для своей услуги или товара подходящее имя, логотип или обозначение будет довольно просто. Несмотря на этот факт, самое главное, выбранный знак не должен быть «схож до степени смешения» с каким-либо чужим

зарегистрированным товарным знаком (основания для отказа будут рассмотрены позже).

База товарных знаков, существующая на многих сайтах в Интернете, дает возможность выбрать свой, никем еще не используемый товарный знак, с учетом классов товаров и услуг, указанных в специальном перечне классов товаров и услуг (МКТУ).

Самым надежным способом выбора и получения охраны товарного знака будет все-таки обращение с этим вопросом к профессионалам. Патентные поверенные с учетом законодательства и пожеланий фирмы или предпринимателя помогут выбрать наиболее приемлемое имя, логотип или слово, а также сделают подробное описание процедуры регистрации товарного знака.

Известно, что заявку на регистрацию товарного знака в федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент) может подать юридическое лицо и индивидуальный предприниматель. Интересы заявителя может представлять патентный поверенный на основании доверенности, выданной ему заявителем.

Получение охраны товарного знака требует представления правильно оформленных документов:

1. Заявление о регистрации обозначения как товарного знака с указанием заявителя и его места нахождения или места жительства;
2. Документ, подтверждающий уплату пошлины за подачу заявки в установленном официально размере;
3. Товарный знак и список классов (номеров) товаров и услуг по МКТУ, в которых предполагается использование товарного знака [5].

После подачи заявки на регистрацию проводится экспертиза заявки на соответствие ее требованиям российского закона и нормативных документов о товарных знаках. Срок такой экспертизы установлен в 1 месяц. После этого проводится экспертиза самого заявленного обозначения, в ходе которой проверяется соответствие товарного знака определенным требованиям закона, а также приоритет товарного знака (устанавливается по дате подачи заявки на товарный знак в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности).

Понятие приоритета имеет значение, если заявки на тождественные товарные знаки в отношении совпадающих полностью или частично перечней товаров поданы разными заявителями и эти заявки имеют одну и ту же дату приоритета, заявленный товарный знак в отношении товаров, по которым указанные перечни совпадают, может быть зарегистрирован только на имя одного из заявителей, определяемого соглашением между ними.

Если Роспатент принимает решение о регистрации, в течение месяца с момента получения документа об оплате заявителем государственной пошлины производится регистрация данного товарного знака в Государственном реестре товарных знаков и знаков обслуживания РФ. На основе государственного реестра создается официальная база товарных знаков.

Другим важным элементом товарного знака является логотип. Эта неотъемлемая шрифтовая или графическая часть товарного знака, благодаря которой название или имя организации, название услуги или товара становится оригинальным, неповторимым. Использование логотипа можно назвать изображением его на товарах и их упаковках лицом, которое обладает свидетельством на этот логотип. Получив свидетельство о регистрации логотипа как товарного знака, его владелец может контролировать его использование повсеместно.

Основания для отказа в государственной регистрации обозначения в качестве товарного знака указаны в ст. 1483 Гражданского кодекса РФ. При рассмотрении оснований для отказа в регистрации обозначения в качестве товарного знака, следует отметить, что российский законодатель не делит основания для отказа в регистрации товарного знака на абсолютные и относительные, как это предусмотрено, например, в отношении товарного знака Европейского союза (далее — СМ). Поиск и экспертизу схожих и тождественных заявленному обозначению товарных знаков, проводит регистрирующий орган. Законом не предусмотрен период после публикации заявки, когда заинтересованные лица могут начать оппозицию против регистрации заявленного обозначения.

Существует ряд оснований для отказа в регистрации товарного знака. Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов:

1. Вошедших во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида;
2. Являющихся общепринятыми символами и терминами;
3. Характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта;
4. Представляющие форму товаров, которая определяется исключительно или главным образом свойством либо назначением товаров [1].

Указанные элементы могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если они не занимают в нем доминирующего положения.

Представленные положения не применяются в отношении обозначений, которые приобрели различительную способность в результате их использования. Ярким примером этого пункта является компания LEGO, которая вправе зарегистрировать в РФ кубик из своих наборов в качестве товарного знака [7].

В соответствии с международным договором РФ не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, состоящих только из элементов, представляющих собой:

1. Государственные гербы, флаги и другие государственные символы и знаки;
2. Сокращенные или полные наименования международных и межправительственных организаций, их гербы, флаги, другие символы и знаки;
3. Официальные контрольные, гарантийные или пробирные клейма, печати, награды и другие знаки отличия;
4. Обозначения, схожие до степени смешения с выше перечисленными обозначениями [5].

Эти элементы могут быть включены в товарный знак как неохраняемые элементы, если на это имеется согласие соответствующего компетентного органа.

Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

1. Являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя;
2. Противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали [5].

Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, тождественных или сходных до степени смешения с официальными наименованиями и изображениями особо ценных объектов культурного наследия народов РФ либо объектов всемирного культурного или природного наследия, а также с изображением культурных ценностей, хранящихся в коллекциях, собраниях и фондах, если регистрация испрашивается не на имя лиц, уполномоченных собственниками, на регистрацию таких обозначений в качестве товарных знаков [1].

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения:

1. С товарными знаками других лиц, заявленными на регистрацию в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет, если заявки на государственную регистрацию товарного знака не отозваны или не признаны отозванной;

2. С товарными знаками других лиц, охраняемыми в Российской Федерации, в том числе в соответствии с международным договором РФ, в отношении однородных товаров и имеющими более ранний приоритет;

3. Товарными знаками других лиц, признанными в установленном законом порядке общеизвестными в РФ товарными знаками, в отношении однородных товаров [2].

Эти основания в отказе не применимы, если есть согласие правообладателя товарного знака с более ранним приоритетом.

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарного знака обозначения тождественные или сходные до степени смешения с наименованиями места происхождения товаров, охраняемые в соответствии с российским законодательством [4].

Не могут быть в отношении однородных товаров зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с охраняемым в Российской Федерации фирменным наименованием или коммерческим обозначением (отдельными элементами таких наименования или обозначения) либо с наименованием селекционного достижения, зарегистрированного в государственном реестре охраняемых селекционных достижений, права на которые возникли у иных лиц ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака [4].

Не могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков обозначения, тождественные:

1. Названию известного в РФ на дату подачи заявки на государственную регистрацию товарного знака произведения науки, литературы или искусства, персонажу или цитате из такого произведения, произведению искусства или его части, без согласия правообладателя, если права на соответствующее произведение возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака;

2. Имени, псевдониму или производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного в РФ на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника;

3. Образцу, знаку соответствия, доменному имени, права на которые возникли ранее даты приоритета регистрируемого товарного знака [1].

Зарегистрировав товарный знак, предприниматель (фирма) становится носителем исключительного права. Только при этом условии имеется возможность защитить товарный знак, если другой субъект правоотношений нарушает исключительное право.

Срок регистрации товарного знака действует в течение десяти лет со дня подачи заявки на регистрацию. Этот срок может быть продлен

правообладателем на 10 последующих лет, затем еще неоднократно. Закон не ограничивает количество продлений.

Если индивидуальный предприниматель или фирма обратили внимание, что их товарный знак (или знак, сходный с ним до степени смешения обозначения) используется третьими лицами, либо конкурентами, надо незамедлительно реагировать на это правонарушение.

Прежде всего, надо провести экспертизу по факту нарушения товарного знака. Такие экспертизы вправе проводить патентные поверенные в соответствии с Федеральным Законом «О патентных поверенных» [1].

В задачу патентных экспертов входит анализ ситуации, возникшей при столкновении интересов, затем сравнительный анализ товарного знака с тем обозначением, которое использует предполагаемый нарушитель, после чего необходимо сделать вывод о наличии либо отсутствии факта нарушения.

Установив факт нарушения исключительного права, следует предпринять действия по защите нарушенного права. В случае необходимости наказать нарушителей, можно направить предварительно официальное письмо с требованием прекратить дальнейшее незаконное использование товарного знака. Не дождавшись положительной реакции на официальное письмо, можно обращаться за правовой защитой в судебные или административные органы. Порой спор доходит до необходимости возбуждения уголовного дела по статье 180 УК РФ за незаконное использование товарного знака.

Согласно статье 180 УК РФ, незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо исправительными работами на срок до двух лет.

Незаконное использование предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, наказывается штрафом в размере до ста двадцати тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Деяния, предусмотренные частями первой или второй статьи 180 УК РФ, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, наказываются штрафом в размере от пятисот тысяч до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от трех до пяти лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет или без такового [8].

Правоотношения в области товарных знаков в Российской Федерации, выстроены крайне логично и регулируют правоотношения исчерпывающе. Российский закон отражает современное видение бизнеса: товарный знак стал неотъемлемой частью ведения предпринимательской деятельности, поэтому данная часть бизнеса и должна защищаться законом со свойственной полнотой и значимостью.

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации (ч. 4). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=162742> (23.11.2014).
2. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: «Вильямс», 2007.
3. Лахно П.Г., Губина Е.П. Предпринимательское право Российской Федерации. М.: Юристъ, 2005.
4. Правовая охрана товарных знаков в Российской Федерации// Юридическое бюро Юрьева. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.juryev.ru/publikacii/intellektualnaya-sobstvennost/251-ohrana-brenda> (27.11.2014).
5. Приказ Роспатента № 32 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения заявки на регистрацию товарного знака и знака обслуживания» от 5 марта 2003 г./ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/> (23.11.2014).
6. Сайт Copyright. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.copyright.ru/documents/patentnoe_pravo/товарный_знак_бренд/ (25.11.2014).
7. Тесакова Н., Тесаков В. Бренд и торговая марка: развод по-русски. СПб.: Питер, 2004. – 267 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] – Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru> (23.11.2014).

СЕКЦИЯ 3.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

РОЛЬ АССАМБЛЕИ НАРОДА КАЗАХСТАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ МИРА И СОГЛАСИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ

Жусупбекова Мадина Койшибаевна

*доцент, канд. юрид. наук,
Кызылординский государственный университет им. Коркыт-Ата,
Республика Казахстан, г. Кызылорда
E-mail: ZHMK6464@mail.ru*

ROLE OF ASSEMBLY OF THE PEOPLE OF KAZAKHSTAN IN PROVIDING PEACE AND HARMONY AMONG THE POPULATION

Zhusupbekova Madina

*associate professor, the candidate of jurisprudence,
Kyzylordinsky state university of Korkyt-At,
Republic of Kazakhstan, Kyzylorda*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу роли Ассамблеи народа Казахстана в обеспечении общественного и межэтнического согласия и политической стабильности в стране. Анализ данной проблемы дает возможность определить теоретико-правовые основы деятельности Ассамблеи народа Казахстана, ее роли в поддержании мира и стабильности в республике. Ассамблея народа Казахстана является особой моделью национального единства, межэтнического и межконфессионального согласия.

ABSTRACT

Article is devoted to the analysis of a role of Assembly of the people of Kazakhstan in providing a public and interethnic consent and political stability in the country. The analysis of this problem gives the chance

to define teoretiko-legal bases of activity of Assembly of the people of Kazakhstan, its role in peacekeeping and stability in the republic. The assembly of the people of Kazakhstan is special model of national unity, an interethnic and interfaith consent.

Ключевые слова: межэтническое согласие; национальное единство.

Keywords: interethnic consent; national unity.

Одним из основных направлений внутренней политики современных государств является обеспечение мира и согласия среди населения.

Ядром казахстанской внутренней политики является обеспечение межэтнического согласия.

Свое начало обеспечение межэтнического согласия берет с всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 года, где указано, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства. Помимо этого, отмечено, что каждый человек независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения обладают равными правами и свободами [1]. Это свидетельствует о том, что все люди, населяющие землю обладают равными правами и свободами независимо от социального и этнического происхождения.

В преамбуле Конституции РК отмечено, что «Мы, народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидая государственность на исконной казахской земле, сознавая себя миролюбивым гражданским обществом, приверженным идеалам свободы, равенства и согласия, желая занять достойное место в мировом сообществе, осознавая свою высокую ответственность перед нынешним и будущими поколениями, исходя из своего суверенного права, принимаем настоящую Конституцию» [3]. Из этих слов видно, что все народы, населяющие земли государства Казахстан имеют одну историю, осознают себя как миролюбивое общество, стремятся к единой цели — благополучие будущего поколения.

Республика Казахстан, являясь многонациональной страной, построила уникальную модель межэтнического и межконфессионального согласия. Особую роль в обеспечении межэтнического и общественного согласия играет Асамблея народа Казахстана, созданная Указом Президента РК от 1 марта 1995 года. Эта идея была

выдвинута Главой государства еще в 1992 году на I этническом форуме, посвященном годовщине независимости страны, где он отметил, что «не одно поколение казахстанцев создавало наше главное достояние — дружбу народов» [5].

В данное время Ассамблея народа Казахстана, объединяющая все национально-культурные центры, всех представителей всех этнических меньшинств является той самой структурой, которая поддерживает баланс между различными этническими группами и их интересами, а также укрепляет общественное согласие в обществе. С другой стороны, эта структура является диалоговой площадкой между властью и этническими группами, где есть возможность этническим меньшинствам доводить до высоких властных уровней свои проблемы и решать их, а Президент со своей стороны имеет возможность поддержки своей политики. Поэтому, Указом Президента РК 2015 год объявлен годом Ассамблеи народа Казахстана. Это является правильным решением, так как роль АНК в обеспечении общественного и межэтнического согласия велика.

Если обратиться к истории становления и развития межэтнических отношений, то оно прошло несколько этапов.

Первый этап начинается с 1989 года по 1995 год. В этот период зарождаются этнокультурные объединения, принимается Конституция РК и создается Ассамблея народа Казахстана.

Второй этап охватывает период с 1995 года по 2002 год. В эти годы происходит консолидация казахстанского общества вокруг казахского народа.

Третий этап начинается с 2002 года по 2007 год. В это время разрабатывается политика по формированию казахстанской модели межэтнической толерантности, принимаются ряд программных документов: Стратегия Ассамблеи народа Казахстана до 2011 года, Государственная программа развития и функционирования языков, Концепция «Идейная консолидация общества — как условие прогресса Казахстана».

Четвертый этап начинается с 2007 года. Он характеризуется интеграцией казахстанского общества в единый народ, укреплением национального единства народа Казахстана и общественного согласия, сохранением государственности и независимости [4, с. 186].

Ассамблея народа Казахстана как консультативно-совещательный орган при Президенте Республики Казахстан был создан в 1995 году, позже в 2007 году он была преобразован в конституционный орган.

Целью Ассамблеи является обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, гражданской и духовно-культурной общности народа Казахстана при консолидирующей роли казахского народа.

Основными задачами Ассамблеи являются:

1. обеспечение эффективного взаимодействия государственных органов и институтов гражданского общества в сфере межэтнических отношений, создание благоприятных условий для дальнейшего укрепления межэтнического согласия и толерантности в обществе;
2. укрепление единства народа, поддержка и развитие общественного консенсуса по основополагающим ценностям казахстанского общества;
3. оказание содействия государственным органам в противодействии проявлениям экстремизма и радикализма в обществе и стремлениям, направленным на ущемление прав и свобод человека и гражданина;
4. формирование политико-правовой культуры граждан, опирающейся на демократические нормы;
5. обеспечение интеграции усилий этнокультурных и иных общественных объединений для достижения цели и задач Ассамблеи;
6. возрождение, сохранение и развитие национальных культур, языков и традиций народа Казахстана [2].

Высшим органом Ассамблеи является сессия, которая проходит под председательством Президента страны.

Рабочим органом является Секретариат Ассамблеи народа Казахстана в структуре Администрации Президента в качестве самостоятельного отдела.

В структуру Ассамблеи народа Казахстана входят: Научно-экспертный совет АНК; Клуб журналистов и экспертов по вопросам межэтнических отношений при АНК; Общественный фонд «Фонд АНК»; Методический центр инновационных технологий обучения языкам «Тілдарын»; Ассоциация предпринимателей АНК.

Во всех регионах функционируют Дома дружбы, которые расположены в регионах с полиэтничным составом населения. В городе Алматы действует «Дом дружбы», в Астане — Дворец мира и согласия, построенный по поручению Главы государства. Здесь проходят ежегодные сессии Ассамблеи народа Казахстана, съезды мировых и традиционных религий, другие знаковые мероприятия. Кроме казахских и русских театров, в стране работают еще четыре

национальных театра — узбекский, уйгурский, корейский и немецкий [4]. В республике есть школы, где обучение полностью ведется на узбекском, таджикском, уйгурском и украинском языках, есть школы, в которых языки 22 этносов преподаются как самостоятельный предмет, на информационном поле работают более 35 этнических газет и журналов, радиопередачи ведутся на 8-ми языках, телепередачи — на языках.

Если остановиться на межэтнических отношениях в Кызылординской области, то в регионе 4 процента составляют представители других этносов, в настоящее время работают 11 этнокультурных центров (Ассоциация корейцев Кызылординской области; этнокультурные объединения «Славяне», татаров, узбеков, турков, киргизов, чеченцев «Вайнах», евреев “Lev Ami”, греков «Понтийцы», немцев “Viedegeburg”, общественное объединение «Русская община»). Этнические отношения в области можно признать стабильным и спокойным. В регионе не было фактов межэтнических разногласий,

Таким образом, Ассамблея народа Казахстана имеет весомую роль в общественно-политической жизни государства. Во-первых, Ассамблея народа Казахстана является организацией в политической системе государства, которая претворяет в жизнь национальную политику государства. Во-вторых, АНК обеспечивает общественно-политическую стабильность государства. В-третьих, АНК является площадкой для эффективного взаимодействия государственных и общественных институтов общества в вопросах межэтнических отношений. В-четвертых, Ассамблея народа Казахстана представляет в высшем законодательном органе — Парламенте интересы этнических групп.

Вместе с этим, Ассамблея народа Казахстана пройдя немалый путь развития стал уникальным институтом народной дипломатии, благодаря Ассамблеи сложилась особая атмосфера доверия, солидарности и взаимопонимания между этническими группами, где несмотря на этническую и религиозную принадлежность каждый индивид общества обладает и пользуется всеми правами и свободами, определенными Конституцией РК, способствует росту авторитета РК на международном уровне по вопросам межэтнических отношений.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://fms45.ru/2007/09/27/vseobshhaja-deklaracija-po-pravam.html>. (дата обращения 15.02.2015).

2. Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV «Об Ассамблее народа Казахстана» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 04.07.2014 г.). Алматы: Юрист, 2014.
3. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 года. Алматы: Юрист, 2014.
4. Тугжанов Е.Л. Государственная этнополитика Казахстана: новые тренды. Астана: Академия государственного управления при Президенте РК, 2011. — 204 с.
5. Указ Президента Республики Казахстан от 1 марта 1995 г. № 2066 «Об образовании Ассамблеи народов Казахстана». [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://all-docs.ru/index.php?page=7&vi1=00375>. (дата обращения 17.02. 2015).

НАРОДНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

Климова Марина Игоревна

*преподаватель кафедры административной деятельности и охраны
общественного порядка Волгоградской академии МВД России,
РФ, г. Волгоград
E-mail: klimova_m_83@mail.ru*

NATIONAL SOVEREIGNTY AS A CONSTITUTIONAL PRINCIPLE

Marina Klimova

*lecturer, department of Administrative activities and the protection of public
order of the Volgograd Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается народный суверенитет как конституционный принцип, раскрывается его политико-правое содержание. С этой целью дается определение понятию «народный суверенитет», приводится краткий исторический анализ становления данного принципа в Российской Федерации и проблемы его применения в современном конституционном государстве.

ABSTRACT

The article discusses popular sovereignty as a constitutional principle, revealed his political right content. To the end, the definition of the concept of "popular sovereignty", a brief historical analysis of the development of this principle in the Russian Federation and the problems of its application in the modern constitutional state.

Ключевые слова: народный суверенитет; конституционный принцип; демократия; референдум; выборы.

Keywords: national sovereignty; the constitutional principle; democracy; referendum; election.

Принимая во внимание характер и направленность тех изменений, которые произошли в общественно-политической жизни России в последние два десятилетия, реалии и тенденции государственно-правового развития России можно отметить, что действительность социально-экономических и политических реформ, успехи модернизации всех сторон общественной жизни во многом определяются механизмом организации и осуществления государственной власти, ее прямыми и обратными связями с населением и зависят от того, насколько деятельность государственного аппарата соответствует текущим и перспективным потребностям государствообразующего народа и насколько государствообразующий народ вовлечен в процессы управления государственной жизнью, т. е. от степени демократичности самого государства.

В свою очередь, идея демократического государства имеет в своей основе политико-правовые принципы народовластия и народного суверенитета, закрепленные в ст. 3 Конституции Российской Федерации 1993 г. [1]. Прошедшее с момента ее принятия время принесло несомненные успехи в формировании «открытого общества», утверждении приоритета прав и свобод человека, становлении институтов частной собственности. Однако, в построении демократической государственности по-прежнему существуют определенные, достаточно глубокие проблемы.

Как отмечается целым рядом исследователей, характер отношения представителей власти и народа коренным образом не изменился, а кризисы в различных областях и сферах общественной жизни породили между ними новые противоречия. Происходит отчуждение от власти как отдельных граждан, так и целых социальных групп. Устойчивый характер приобрели такие негативные тенденции в политической жизни как безответственность и низкий авторитет

политических партий, манипулирование общественным мнением, монополизация средств массовой информации, слабость конституционных механизмов взаимодействия властей, неэффективность контрольных функций представительной власти. По существу, народный суверенитет свелся к участию граждан в выборах. В результате сужается социальная опора современной российской демократии, что не обещает российскому государству стабильности в будущем.

В настоящее время категория народный суверенитет употребляется в науке в трех значениях: 1) как доминирующая идея современного политико-правового сознания о сущности и организации публичной власти в государстве; 2) конституционный принцип организации демократического государства; 3) важнейший политико-правовой институт конституционного права.

Как конституционно-правовой принцип народный суверенитет выражает совокупность политико-правовых идей и установок о неотчуждаемом праве государствообразующего народа самому определять свою судьбу, быть социальным источником верховной государственной власти, быть ее первичным носителем, оказывать на нее определяющее влияние при выработке и осуществлении государственной политики, участвовать в осуществлении государственной власти и контролировать ее. Тем самым будет неверным рассматривать народный суверенитет как политико-правовую конструкцию, отстаивающую наличие особой, по сравнению с государственной властью, силы, способной самостоятельно выступать в качестве непосредственного носителя власти во внутригосударственных и межгосударственных отношениях. В этой связи представляется анархической крайностью возведение принципа народного суверенитета в абсолют и отрицание теоретической и практической ценности категории и принципа государственного суверенитета, как это делается некоторыми авторами [1]. Народный суверенитет не может существовать вне и помимо государства, и в этом смысле он произведен от государственного суверенитета. В демократических государствах народный суверенитет выступает формулой легитимации государственной власти и государственного суверенитета, указывая на их источник и основное направление деятельности. Возникший в ходе буржуазных революций XVIII—XIX веков этот принцип был направлен против феодального абсолютизма и пришел на смену принципу монархического суверенитета государства и в XX веке стал господствующим принципом обоснования источника государственной власти.

Таким образом, в настоящее время народный суверенитет — это демократический принцип построения подлинно существующего суверенитета государства, выражающийся в том, что государство, реализуя свои качества верховенства внутри страны и независимости на международной арене, опирается на публичный народный интерес и общее благо народа, а не на волю монарха или вождя, или групповые интересы правящих либо экономически господствующих групп населения. Отсюда вытекает «демократическое единство государственного и народного суверенитета» в современном конституционном государстве, «которые в интерпретации Конституционного Суда РФ являются не различными понятиями, а различными аспектами единого понятия суверенитета» [2, с. 70].

Конституция РФ 1993 г. регламентирует в ч. 1 ст. 3, что носителем суверенитета и единственным источником власти в российском государстве является ее многонациональный народ [3]. Тем самым основной Закон Российской Федерации связывает категорию «суверенитет» с многонациональным составом русского народа. Исходя из этого ни одна какая-то нация или этническая общность не могут выступать первичным носителем или источником государственной власти в России. Такая суверенная прерогатива принадлежит русскому народу в целом. В тоже время исходя из федеративной природы политико-территориального устройства русского государства, следует отметить, что если в отношении федерации носителем и источником власти выступает весь русский народ, то на уровне отдельного субъекта Российской Федерации таким источником и носителем наряду со всем русским народом выступает население каждого конкретного субъекта Российской Федерации, как часть многонационального русского народа, проживающего на его территории.

В Конституции РФ закрепляются также формы осуществления народовластия. Согласно ч. 2 ст. 3 Конституции РФ «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [3]. Таким образом, народный суверенитет осуществляется в русском государстве посредством прямого и представительного народовластия. Непосредственным выражением воли народа являются референдум и свободные выборы. Конституция определяет их «высшим непосредственным выражением власти народа» (ч. 3 ст. 3) [3] на основе представительного народовластия происходит формирование и деятельность органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, а также органов местного самоуправления.

В тоже время и прямая, и представительная формы демократии не должны быть использованы для умаления, нарушения и необоснованного ограничения конституционных прав и свобод личности. Поэтому в современном конституционном государстве принцип народного суверенитета принимается с ограничениями [4. с. 276]. С одной стороны, он реализуется народом в определенных правовых формах, предусмотренных конституционным законодательством. С другой — он должен сочетаться с принципом неотчуждаемости естественных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, политико-правовое содержание конституционного принципа народного суверенитета включает в себя постулат верховенства интересов государствообразующего народа в решении вопросов организации и строительства собственного государства, определении основных направлений внутренней и внешней политики, осуществляемых при его непосредственном участии в формах и рамках, установленных конституционным законодательством, предусматривающем также определенные способы контроля со стороны народа за деятельностью всех органов власти.

Список литературы:

1. Бутусова Н. Российское государство как субъект конституционно-правовых отношений//Журнал российского права. 2003 г. № 6.
2. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда РФ: Государственная власть. Федерализм. Местное самоуправление. Защита прав и свобод граждан/ Отв. ред. Б.С. Эбзеев. М.: Юрист, 2002. Т. 3.
3. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М.: Юрид. лит., 2009. — 64 с..
4. Кравец И.А. Российский конституционализм: Проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004.

**ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ
ПРАВОВОЙ БАЗЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ
ГРАЖДАН**

Пучкова Виктория Викторовна

канд. юрид. наук, доцент кафедры

*Общепрофессиональных и правовых специальных дисциплин
Смоленского филиала Международного юридического института,*

РФ, г. Смоленск

E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru

**LAW-MAKING ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES
TO CREATE A LEGAL FRAMEWORK IN THE FIELD
OF PUBLIC HEALTH PROTECTION**

Puchkova Victoria

*can. jurid. Associate Professor, Department of general legal and special
disciplines Smolensk Branch of the International Law Institute of Smolensk,*

Russia, Smolensk

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется национальная система здравоохранения и правотворческая деятельность органов государственной власти с целью законодательного обеспечения охраны здоровья граждан. В статье рассмотрены законодательные нормы, направленные на реализацию конституционного права на охрану здоровья граждан. Рассмотрены основные принципы обязательного медицинского страхования.

ABSTRACT

The paper investigates the national health system and law-making activities of public authorities in order to ensure legal protection of public health. The article deals with legislation aimed at implementing the constitutional right to health of citizens. The basic principles of compulsory health insurance.

Ключевые слова: конституционное право на охрану здоровья; правотворческая деятельность; законодательное обеспечение; законодательные нормы.

Keywords: constitutional right to health care; legislative activities; legislative support; legislation.

Спектр законодательных норм в нашем государстве разнообразен. В нормах, указанных в Конституции РФ прописаны основные права и свободы человека, в частности и в сфере охраны здоровья. Законодательными нормами, например, содержащимися в федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» закреплены основные принципы права. Первостепенное место в структуре права граждан на охрану здоровья занимают правовые принципы вместе с правами человека.

Следовательно, правовую основу механизма реализации конституционного права граждан на охрану здоровья составляют права человека и принципы права. Правотворческая деятельность органов государственной власти направлена на принятие законов и нормативных правовых актов, регулирующих отношения, которые возникают между медицинскими организациями и гражданами относительно охраны здоровья и оказания медицинской помощи. Правотворческая деятельность органов государственной власти осуществляется с целью законодательного обеспечения охраны здоровья. Первоочередной задачей государства должна быть разработка способов реализации права граждан на охрану здоровья. Поэтому основными целями государственной политики являются сбережение и укрепление здоровья народа. Именно на достижение этих целей направлена законотворческая деятельность органов государственной власти. При формировании национального законодательства должен быть положен передовой опыт отечественной мировой науки и практики в области охраны здоровья. На основе такого прогрессивного законодательства должна строиться вся система здравоохранения в Российской Федерации. Поэтому в первую очередь необходимо совершенствовать нормы и положения основных отраслей права, затрагивающих отрасль здравоохранения. Это необходимо, чтобы добиться их внутренней согласованности в рамках комплексной отрасли законодательства о здравоохранении.

Издание законов о координации вопросов здравоохранения и о системе здравоохранения России является конституционной обязанностью, как федерального законодателя, так и законодателей в субъектах России, так как вопросы здравоохранения, охраны

здоровья граждан в соответствии со ст. 72 Конституции Российской Федерации являются предметом совместного ведения России и ее субъектов [1].

Законодательная база обеспечивается Федеральным Собранием Российской Федерации в основном Государственной Думой, в структуре которой сформирован Комитет по охране здоровья, обеспечивающий проведение и принятие законодательных актов в области охраны здоровья и Правительством Российской Федерации.

Несмотря на то, что здоровье человека признавалось наивысшем благом, в 1990 году правотворческая деятельность органов государственной власти России по законодательному обеспечению охраны здоровья населения, была весьма ограниченной. Правовое регулирование в сфере охраны здоровья граждан осуществлялось слабо. В этот период сфера охраны здоровья граждан регулировалась лишь Основами законодательства об охране здоровья граждан, Основами законодательства СССР и союзных республик о здравоохранении (1961 г.) и Законом РСФСР «О здравоохранении» (1971 г.), принятым в соответствии с вышеуказанными основами. В настоящее время процесс законотворчества в сфере здравоохранения активно развивается, что связано с реформированием рассматриваемой сферы.

В настоящее время действует свод нормативных актов, посвящённых охране здоровья граждан и медицинскому страхованию. Центральное место среди них занимает Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в РФ», которым определены правовые, экономические и организационные основы медицинского страхования населения в России. Закон обеспечивает конституционное право граждан РФ на охрану здоровья и медицинскую помощь путем закрепления основных направлений на усиление заинтересованности и ответственности населения и государства, предприятий, учреждений, организаций в сфере здравоохранения в новых экономических условиях.

Медицинское страхование является формой защиты интересов населения в охране здоровья. Цель медицинского страхования заключается в гарантированности при возникновении страхового случая получения медицинской помощи за счёт накопленных средств и в финансировании профилактических мероприятий.

Граждане имеют право на бесплатную медицинскую помощь в государственной и муниципальной системе здравоохранения в соответствии с законодательством России.

Программа обязательного медицинского страхования предусматривает гарантированный объём бесплатной медицинской помощи

гражданам РФ. Помимо данной программы предусмотрена программа добровольного медицинского страхования, на основании которой гражданам предоставляется на дополнительные медицинские услуги. Из этого следует, что основу конституционного права граждан на охрану здоровья составляет ее важный элемент — право на бесплатную медицинскую помощь. Помимо этого содержание конституционного права граждан на охрану здоровья составляют элементы, которые выражаются в следующем:

- для всех граждан государство создаёт условия для эффективного и доступного медицинского обслуживания;
- гражданам предоставляется бесплатная медицинская помощь в государственных учреждениях здравоохранения;
- всем гражданам предоставляется гарантированный уровень медико-санитарной помощи.

Реализация гражданином своего конституционного права граждан на охрану здоровья происходит при изъявлении его воли на получение медицинской помощи. Именно его волеизъявление является начальным моментом в реализации этого права, но при этом не следует забывать, что в связи с некоторыми видами заболеваний, возможно назначение принудительного лечения.

Данное право охватывает разнообразное количество деятельности в сфере здравоохранения и обеспечивается многими отраслями права. Необходимо право на охрану здоровья граждан обличать в правовую форму, способную обеспечить решение важной задачи государства в сфере здравоохранения, которое заключается в укреплении здоровья нации нашей страны.

Для практической реализации конституционного права на охрану здоровья граждан нормы права необходимо полно и своевременно закреплять на законодательном уровне и разрабатывать действенные механизмы реализации данного права. При этом больше внимания следует уделять не только на законодательные акты, но и местную правотворческую деятельность, которая даст возможность лучше учитывать региональные особенности.

Таким образом, основу структуры права на охрану здоровья граждан составляют нормы Конституции РФ и законодательные нормы. Основные вопросы общественной жизни народа регулируются нормами, принятыми на референдуме. Данные вопросы отражают волю народа, которая должна быть неизменной. Нормы Конституции РФ используются для разработки и принятия законов, иных нормативно-правовых актов, так как обладают более высокой юридической силой по сравнению с ними.

Законодательные нормы или другими словами нормы, изданные государством, разрабатываются и принимаются Федеральным Собранием, Президентом, Правительством, министерствами. Основу нормативных актов составляют законодательные нормы, содержащиеся в этих актах в виде законов, указов, постановлений. Кроме того, субъектам Федерации предоставлено право, издавать соответствующие законы и нормативные правовые акты, непротиворечащие федеральным законам, Конституции РФ, действующие на их территориях. В своей совокупности законодательные акты органов государственной и исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации составляют единую иерархическую систему.

В настоящее время охрана здоровья граждан является насущной проблемой со стороны государства в лице всех государственных и муниципальных органов. Особенно, если речь идет о сохранении и укреплении здоровья. Поэтому основной задачей государства является построение социального государства, деятельность которого должна быть направлена на то, чтобы граждане заботились о своем здоровье с целью сохранения и укрепления здоровья будущих поколений.

Государство, считающее себя демократичным, должно обеспечить реализацию права на охрану здоровья, которое является одним из существенных показателей такого государства.

Список литературы:

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Российская газета», № 7, 21.01.2009.
2. Пучкова В.В. Деятельность органов государственной власти России по реализации конституционного права граждан на охрану здоровья: дис. канд. юрид. наук. М., 2005. — С. 10—57.
3. Пучкова В.В. Проблемы реализации института ответственности государства в сфере охраны здоровья Проблемы права — № 5 (36). — 2012. — С. 16.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» / «РГ» — федеральный выпуск № 5639 23 ноября 2011 г.
5. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» / «Российская газета», № 274, 03.12.2010.

СЕКЦИЯ 4.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Искевич Ирина Сергеевна

*канд. юрид. наук, исполняющая обязанности заведующего кафедрой
«Международное право», ФГБОУ ВПО*

«Тамбовский государственный технический университет»,

РФ, г. Тамбов

E-mail: Irina_77707@list.ru

Сахаров Александр Викторович

магистрант кафедры «Международное право», ФГБОУ ВПО

«Тамбовский государственный технический университет»,

РФ, г. Тамбов

THE INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Irina Iskevich

head of the department International law, candidate of jurisprudence,

Tambov State Technical University,

Russia, Tambov

Alexander Sakharov

Undergraduate Tambov State Technical University,

Russia, Tambov

АННОТАЦИЯ

В различных государствах международно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства неодинаков. В статье

рассмотрен правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России. Зачастую он зависит от критерия их постоянного или временного проживания в Российской Федерации. Перечисляются и анализируются основные права и обязанности иностранных граждан.

ABSTRACT

In various states the international legal status of foreign citizens and stateless persons isn't identical. In article legal status of foreign citizens and stateless persons in the territory of Russia is considered. Often it depends on criterion of their continuous or temporary residence in the Russian Federation. Basic rights and duties of foreign citizens are listed and analyzed.

Ключевые слова: иностранный гражданин; лицо без гражданства; проживание; закон; международное право; Конституция Российской Федерации.

Keywords: the foreign citizen; the person without nationality; accommodation; the law; international law; the Constitution of the Russian Federation.

В юридической науке понятие «иностранец» не имеет однозначного толкования. Некоторые авторы, понимают термин «иностранец» как иностранный гражданин и лицо без гражданства. Например, под иностранным гражданином Л.Н. Галенская подразумевает лицо, которое не является гражданином данного государства или же не имеет гражданства какого-либо государства [3, с. 6]. М.М. Богуславский и С.С. Гридин иностранцами считают как иностранных граждан, так и лиц без гражданства [2, с. 24]. По мнению А.А. Рубанова под иностранцами подразумевает всех лиц, находящихся на территории какого-либо государства, не являющихся его гражданами и состоящих в гражданстве другого государства [6, с. 24].

Согласно ст. 2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 года иностранным гражданином признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Лицом без гражданства (апатридом) признается физическое лицо, не являющееся гражданином Российской Федерации и не имеющее доказательств наличия гражданства (подданства) иностранного государства [7].

Между лицами без гражданства и гражданами иностранных государств существует вполне обоснованное разграничение. Связано оно с тем, что лицо без гражданства (апатрид) не состоит в гражданстве какого-либо государства и, соответственно, не имеет юридически значимых доказательств данного факта. Его правовой статус зависит от законов государства, в котором он пребывает. В случае переезда апатрида в другое государство его правовая связь с прежним государством автоматически прекращается и возникает новая связь с тем государством, где апатрид оказался. Что касается граждан иностранных государств, то они подчиняются не только правопорядку страны пребывания, но сохраняют права и обязанности по отношению к своему государству и это государство несет определенную ответственность за своего гражданина и в случае необходимости обязано прийти ему на помощь.

Все основные права и обязанности иностранных граждан условно делятся на личные (гражданские); политические, социально-экономические.

Права иностранных граждан в России не могут быть ограничены по мотивам расовой принадлежности, социального происхождения, национальности, языка, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Не признаются и не могут получить применение на территории Российской Федерации ограничения прав иностранцев, установленные законодательством их страны, по указанным причинам.

Представляется необходимым отметить, что некоторые отличительные особенности в объеме правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства зависит, в том числе, от критерия их постоянного или временного проживания в Российской Федерации [7].

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что иностранные граждане могут находиться на территории России на условиях:

Временного пребывания (временно пребывающий в Российской Федерации иностранный гражданин — лицо, прибывшее в Российскую Федерацию на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и получившее миграционную карту, но не имеющее вида на жительство или разрешения на временное проживание);

Временного проживания (временно проживающие — статус иностранцев, получивших разрешение на временное проживание в России. Разрешение на временное проживание обычно оформляется в виде отметки в паспорте). Иностранцев граждан имеющих

разрешение на временное проживание, принимают на работу без специальных разрешений;

Постоянного проживания (постоянно проживающие — статус иностранцев, получивших вид на жительство в России.)

Все иностранные граждане, находящиеся на территории Российской Федерации, со стороны Российского государства пользуются равной защитой в отношении своих личных прав (неприкосновенность личности и жилища, свобода совести и др.), а также экономических, социальных и культурных прав (право на экономическую деятельность и частную собственность, трудовую деятельность, отдых, охрану здоровья, социальное обеспечение, образование, участие в общественных организациях, пользование достижениями культуры и др.).

Ограничение в правах касается в основном политических прав, которые в соответствии с российскими законами предоставляются именно гражданам России. Ограничение прав неграждан предусмотрено также ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: иностранные граждане и лица без гражданства не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях и на иных установленных особо территориях Российской Федерации [5]. Однако в настоящее время возможность для иностранных граждан быть участниками земельных отношений существует. Земельный кодекс РФ закрепил право иностранного лица на получение земельных участков на праве собственности право иностранного лица на получение земельных участков на праве собственности при нахождении на этих земельных участках зданий, строений или сооружений, являющихся его собственностью. В остальных случаях, когда объекты, расположенные на земельных участках, используются иностранным лицом на ином праве, эти земельные участки предоставляются в аренду [4].

Иностранный гражданин также вправе защищать свои права всеми предусмотренными Конституцией РФ средствами, включая право на судебную защиту. В Российской Федерации иностранцы могут обращаться за защитой своих прав не только в обычные суды, но и в Конституционный Суд Российской Федерации.

Таким образом, международно-правовой статус иностранных граждан в действующем праве России основан на основополагающем принципе национального режима. При этом, учитывая установленные законодательно различия в объеме прав между отечественными гражданами РФ и иностранными гражданами, он имеет существенное практическое значение. Изучение данной проблемы в условиях

расширения участия России в международных отношениях является важным и позволяет оценить эффективность и правильность функционирования системы регулирования правового положения иностранцев в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Россия: гражданство, иностранцы, внешняя миграция. / Авакьян С.А. СПб.; Юрид. центр Пресс, 2003. — 643 с.
2. Богуславский М.М., Гридин С.С. Статус иностранцев в СССР. М.: АН СССР, 1984. — 206 с.
3. Галенская Л.Н. Правовое положение иностранцев в СССР. / Л.Н. Галенская. М.: Международные отношения, 1982. — 160 с.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Российская газета, № 211—212, 30.10.2001.
5. Конституция РФ от 12.12.1993 г. (в редакции от 21.07.2014 г.). // Собрание законодательства РФ, — 04.08.2014, — № 31, — Ст. 4398.
6. Рубанов А.А. Богуславский М.М., Правовое положение иностранцев в СССР. М.: ИМО, 1962. — 143 с.
7. Федеральный Закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». // Российская газета, № 140, 31.07.2002.

СЕКЦИЯ 5.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Андреева Любовь Александровна

канд. юрид. наук, доцент

*Российского государственного гуманитарного университета,
зав. кафедрой частного права Филиала Российского государственного
гуманитарного университета в г. Великий Новгород,*

РФ, г. Великий Новгород

E-mail: andreeva56@mail.ru

THE QUESTION OF THE SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT

Andreeva Lybove

*candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, head. the Department of private law
branch of Russian state University for Humanities in Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам организации системы местного самоуправления, основным задачам и функциям органов местного самоуправления, а также процессам становления системы органов местного самоуправления.

ABSTRACT

The article is devoted the organization of local government, the main tasks and functions of local government, as well as the processes of formation of the system of local government.

Ключевые слова: муниципалитет; представительный орган; исполнительный орган; глава администрации; глава муниципального образования; депутат.

Keywords: the municipality; a representative body; the executive body; the head of administration; the head of the municipality; the deputy.

Принцип самоуправления один из универсальных принципов управления, который до определённого времени являлся единственным средством социальной организации. Традиции общинного, городского самоуправления уходят своими корнями в глубины веков. Правовое оформление местного самоуправления получило впервые развитие в 45 г. до н. э. в Древнем Риме, где общим принципом стал принцип самоформирования [6]/ Одним из самых ранних проявлений самоуправленческих начал на Руси явились вечевые собрания, наиболее полное развитие получившие в городе Новгороде (ныне Великий Новгород), где они были основой высшей власти.

Местное самоуправление в настоящее время важнейший институт народовластия, одна из основ конституционного строя России, форма социального управления. Одной из центральных проблем науки о самоуправлении была и остаётся проблема взаимоотношений государственной власти и органов местного самоуправления. Вывод о том, что «оптимальная модель взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления до сих пор не создана» весьма актуален [11].

Основы теорий и правовых муниципальных систем европейских стран, США и Японии были заложены в ходе муниципальных реформ в XIX веке. Правоведы отмечали, что «установление правильного соотношения между центральными и местными органами сопряжено с большими трудностями» [6].

Одной из первых теорий, когда была предпринята попытка обосновать природу и сущность местного общинного самоуправления, была теория естественных прав общины. Община рассматривалась как начальное звено эволюции государства, её право заведовать своими делами имело такой же естественный и неотчуждённый характер, как права и свободы человека. Государство должно уважать свободу общинного управления, не вмешиваться в собственную компетенцию общины, а лишь следить за тем, чтобы община не выходила из пределов своей компетенции. На противопоставлении местных сообществ государству базировалась хозяйственная теория самоуправления. Её сторонники рассматривали самоуправление как заведование делами местного хозяйства. В качестве основополагающей черты местного самоуправления ими рассматривалась преимущественно хозяйственная природа деятельности органов местного самоуправления, в качестве самоуправляющихся общин

рассматривались местные территориальные коллективы, частные союзы, корпорации, промышленные компании, благотворительные и иные общества. Местное самоуправление как вид государственной деятельности рассматривали сторонники государственной теории, которые считали местное самоуправление лишь одной из форм организации местного государственного управления, которая обладает определённой автономией в решении местных вопросов.

В дореволюционной России, осуществившей во второй половине XIX века земскую и городскую реформы, вопросы правового регулирования общественных отношений в области самоуправления, активно изучались и исследовались с учётом отечественного и зарубежного опыта. Общественная теория самоуправления получила развитие в учении славянофилов. Общественная и государственная теории в XIX веке оказали заметное влияние на подготовку и осуществление земской реформы в России.

Научная дискуссия по вопросам соотношения государственной власти и власти местного самоуправления вновь актуальна в Российской Федерации. Исследователи выделяют следующие основные концепции. Во-первых, обосновывается концепция негосударственной природы местного самоуправления, авторы которой относят местное самоуправление к институтам гражданского общества [7]. Во-вторых, концепция, согласно которой власть местного самоуправления признаётся аналогичной государственной власти или государственной властью особого рода. По мнению К.Ф. Шеремета «Не надо представлять, что здесь совершенно иная природа. Это публично-правовые учреждения» [1]. Авторы третьей концепции рассматривают местное самоуправление как публичную власть, существующую наряду с государственной властью. Оба вида власти объединяет один источник — власть народа [10]. Представителями четвёртой концепции местное самоуправление представляется как олицетворение пограничного явления между государством и обществом, которое соединяет их между собой. Это форма реализации прав и свобод человека и гражданина [1].

Статья 12 Конституции РФ закрепляет положение о том, что органы местного самоуправления, а это опорное звено местного самоуправления, не входят в систему органов государственной власти. Их структура определяется населением самостоятельно (ст. 131 Конституции РФ) [5]. Формально гарантии организационной самостоятельности обеспечены Федеральным законом от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8], Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления

в Российской Федерации» [9], где закрепляется недопустимость назначения должностных лиц местного самоуправления органами государственной власти и государственными должностными лицами.

Отсутствие официального толкования ст. 12 Конституции РФ позволяет отдельным членам муниципального сообщества, в первую очередь главам муниципальных образований, рассматривать «положение о невхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти предполагает право муниципалитетов действовать вне связи с государственными органами, не принимать во внимание рекомендации федеральных и региональных властей и т. д.» [4]. При этом нередко под этими толкованиями прикрывается профессиональная некомпетентность, управленческая несостоятельность руководителей муниципалитетов. Государственные органы, в свою очередь, добиваясь выполнения плана развития субъекта федерации, обращаются с муниципальными образованиями, оставляя без внимания конституционные положения.

Очередная муниципальная реформа может привести к новому пониманию конституционных норм о местном самоуправлении, в том числе и ст. 12 Конституции России [5].

Вместе с тем, определение места муниципальных властей в системе государственной власти не может быть подменено понятием «публичная власть». Автор подчеркивает, что, как и государственная, так и муниципальная власть представляют собой формы публичной власти [2]. Государство и местное самоуправление — это социальные институты, основное назначение которых состоит в регулировании общественных отношений. Институт самоуправления возникает в определённый период и справляется со стоящими задачами в этой области. По мере усложнения общества, как объекта регулирования, появляется потребность в усилении механизма регулирования, возникает государство.

Представляется, что до настоящего времени происходит сложнейший процесс по перераспределению функций, организационной структуры, финансов между субъектами регулирования: государством и местным самоуправлением.

Российское законодательство о местном самоуправлении постепенно расширяет область собственного регулирования, принуждает региональных законодателей переходить от принятия комплексных законов о местном самоуправлении к законам по отдельным вопросам местного значения. Это способствует усилению неопределённости функционального назначения местного самоуправления, размыванию рамок ответственности муниципалитетов перед государством и насе-

лением, стремлением регионального законодателя исчерпывающим образом регулировать вопросы местного значения. Одно из направлений решения этой проблемы исследователи видят в расширении сферы регулирования структуры местного самоуправления в отдельном субъекте федерации. Ненадлежащее выполнение государственных полномочий также может повлечь за собой роспуск представительных органов или отрешение от должности главы муниципалитета независимо от того, как решаются вопросы местного значения. Таким образом, выполнение государственных полномочий ставится выше реализации функций, ради которых они создавались, и служит проводом изменения структуры и системы органов местного самоуправления.

Автор полагает, что сохранение полномочий органов власти муниципалитетов и населения муниципального образования в выборе системы органов местного самоуправления и определения их полномочий, представляется наиболее оптимальной моделью взаимоотношений государственной власти и местного самоуправления, когда предлагается постепенное укрепление самостоятельности органов местного самоуправления в рамках внутригосударственной децентрализации как составной части системы государственных органов. Такой подход позволил бы снизить существующее до сих пор напряжение между государственными органами субъектов федерации и органами местного самоуправления относительно распределения между ними полномочий, ресурсов, ответственности.

Создавая новые правовые институты, призванные вести поиск дополнительных способов изучения и учёта мнений жителей муниципальных образований в процессе принятия управленческих решений, федеральному и региональному законодателю следует неукоснительно соблюдать Конституцию Российской Федерации.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы формирования местного самоуправления в Российской Федерации // Государство и право. — 1997. — № 5, — С. 38.
2. Андреева Л.А. Правотворчество органов местного самоуправления (по материалам Новгородской области). Автореферат дис. канд. юр. наук. Северо-Западная академия государственной службы СПб., 1999. — 23 с.
3. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997. — С. 133.
4. Васильев В.И. О некоторых понятиях муниципального права. // Журнал российского права. 2013, № 12.
5. Конституция РФ 1993 года/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 24.01.2015).

6. Постовой Н.В. Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995. — С. 8.
7. Топорнин Б.Н. Разделение властей и государственная организация. / В кн.: Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. — С. 14.
8. Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 24.01.2015).
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/> (дата обращения 18.01.15).
10. Чиркин В.Е. Публичная власть. М., 2005. — С. 46—54.
11. Ясюнц В.Л. Основы местного самоуправления. М., 1998.

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ПОТЕНЦИАЛА МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент Российского государственного
гуманитарного университета, зав. кафедрой частного права
Филиала Российского государственного гуманитарного
университета в г. Великий Новгород,
РФ, г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

THE EVALUATION CRITERIA POTENTIAL OF MUNICIPALITIES (LEGAL ASPECT)

Andreeva Lybove

*candidate of juridical sciences, associate professor of Russian State
Humanitarian University, head. the Department of private law
branch of Russian state University for Humanities in Veliky Novgorod,
Russia, Veliky Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена определению критериев потенциала муниципального образования, его места в системе органов местного самоуправления и взаимодействия с государственной властью.

ABSTRACT

The article is devoted to the definition of criteria for the potential of the municipality, its place in the system of local government and cooperation with the government.

Ключевые слова: муниципалитет; представительный орган; исполнительный орган; глава муниципального образования; органы государственной власти субъекта федерации.

Keywords: the municipality; a representative body; the executive body; the head of the municipality; the state authorities of the Federation.

В начале 90-х годов XX века на муниципальном уровне процесс разрушения системы планирования выразился, в частности, в сворачивании целенаправленной и постоянной работы по комплексному анализу складывающейся на территории социально-экономической ситуации, прогнозированию развития экономики, социальной сферы, формированию программ муниципалитетов и регионов в целом. В результате были полностью упразднены плановые органы в структурах регионального и муниципального управления, утеряны сформировавшиеся ранее информационные базы расчетов прогнозно-аналитического характера.

В условиях складывающегося в России нового механизма хозяйствования централизованное начало является объективной необходимостью для решения проблем межотраслевого и территориального характера, что требует, в свою очередь, использования методов и форм планирования управления. Статья 12 Конституции РФ [3], отчасти, внесла определенность в отношении местного самоуправления, вместе с тем социально-экономическое регулирование отношений осталось за рамками правового регулирования.

С учетом основных форм деятельности органов местного самоуправления (бюджетное финансирование, администрирование, исполнение муниципальных функций, предоставление муниципальных услуг, правовое регулирование) планирование в муниципальном управлении может быть разделено на планирование в социальной сфере и в сфере развития экономического потенциала муниципалитета.

Автор полагает, что основной формой экономического и финансового планирования в органах местного самоуправления является

составление проекта местного бюджета на один год. В то же время, наряду с бюджетным планированием постепенно развиваются финансовые (бюджетные) проекты на два-три последующих года. Составление планов мероприятий, предполагаемых к осуществлению в определенный период, связано с разработкой и принятием муниципальных правовых актов (бюджетов и концепции социально-экономического развития) [1].

Поскольку органы местного самоуправления являются органами публичной власти, для них особенно важна легитимация (получение согласия местного сообщества) и легализация (утверждение в установленном порядке) документов о развитии муниципалитета.

Легитимация планов и программ развития муниципального образования может осуществляться различными способами. В частности, Федеральным законом от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [4] предусмотрены такие формы гражданского участия в местном самоуправлении, как местный референдум, сход граждан, собрание и конференция граждан, опрос граждан, публичные слушания, каждая из которых может применяться для широкого обсуждения планов и программ развития муниципального образования. Кроме того, их обсуждение может быть организовано в местных средствах массовой информации, в том числе учреждаемых органами местного самоуправления. Особое внимание следует уделить двум из указанных форм — местному референдуму и публичным слушаниям.

На местный референдум могут выноситься особо важные и принципиальные вопросы развития муниципального образования, при этом принятое на местном референдуме решение подлежит обязательному исполнению на территории муниципального образования [4]. В случае получения на местном референдуме согласия населения с предложенными направлениями развития муниципального образования эти направления приобретают и самую высокую легитимность.

Публичные слушания не обеспечивают такой легитимности принимаемых планов и программ развития, однако законом прямо предписана обязательность вынесения на публичные слушания проектов планов и программ. Во всяком случае, публичные слушания позволяют принять участие в обсуждении и высказать свое мнение, учитываемое при принятии планов и программ, всем заинтересованным лицам. Вместе с тем, как отмечает автор, интерес к публичным слушаниям по бюджетам и проектам концепций социально-экономического развития муниципальных образований

значительно снижен, в частности и трудностями восприятия и анализа проектов данных правовых актов. Утверждение планов и программ развития муниципального образования отнесено к исключительной компетенции представительного органа муниципального образования [4; 2]. Вместе с тем, нормотворческий процесс представительного органа в целом достаточно формализован, не обеспечивает широкого обсуждения планов и концепций развития муниципального образования.

Формирование концепции социально-экономического развития муниципального образования представляет собой отличный нормотворческий процесс, например, от бюджетного процесса, и в определенной степени не следует нормативным правоустановлениям. Особенности подготовки концепции развития муниципального образования делятся на следующие этапы: организационно-подготовительный этап (разработка и утверждение структуры концепции; определение состава исполнителей и распределение между ними обязанностей по разработке концепции, формирование соответствующей рабочей группы; выделение, при необходимости, финансовых ресурсов для привлечения специалистов к разработке и экспертизе проектных материалов концепции); на аналитическом этапе — формирование и направление в подразделения местной администрации информационного запроса — документа, содержащего требования к необходимому объему исходных данных, который целесообразно иметь для анализа стартовых условий и определения перспектив развития муниципального образования; сбор, систематизация и анализ материалов, составляющих информационную базу для формирования концепции.

Процедура подготовки и анализа информационной базы для формирования концепции перспективного социально-экономического развития муниципального образования достаточно сложна. Анализ стартовых условий комплексного социально-экономического развития муниципального образования, обусловленных влиянием факторов местного характера, проводится по следующим направлениям: качество жизни населения; величина и эффективность использования местного социально-экономического потенциала; экологическая обстановка; экономическая ситуация; состояние системы местного самоуправления.

Местная социальная политика — это важнейшая составная часть системы местного самоуправления. Она является первоосновой и началом решения всех вопросов местного сообщества, в том числе разработки и применения документов, регламентирующих и обеспе-

чивающих местное самоуправление. От правильности и обоснованности местной социальной политики зависит эффективность всего самоуправления в муниципальном образовании. Главная и конечная цель местной социальной политики — улучшение качества жизни населения, образующего местное сообщество.

Комплексный подход является надежной гарантией против односторонности в формировании местной социальной политики, способствует сбалансированному функционированию всех составных частей муниципальной социальной системы, ликвидации диспропорций и смягчению противоречий в развитии муниципального образования.

Однако, в местной экономической политике главный ориентир представляет повышение эффективности функционирования экономики муниципального образования, увеличение на этой основе доходной части местного бюджета, что не может быть самоцелью, направленному против задач гуманитарного характера, связанных с улучшением качества жизни местного населения.

В вопросе развития муниципального образования выделяются социальные и экономические субъекты и институты, которые заинтересованы в том, какие именно виды деятельности будут развиваться на территории муниципального образования как приоритетные, какие инвестиционные предпочтения будут существовать в ближайшие 5—10 лет, какой бизнес будет находить поддержку со стороны местных властей и местного сообщества.

Для депрессивных муниципальных образований расчет только на средства местных бюджетов и собственные усилия практически невозможен, поэтому ресурсный блок концепции и программы должен предусматривать использование специальных инструментов государственной поддержки их реализации, в частности механизмы социального обеспечения за счет средств субъектов федерации и федеральных программ. Формы и методы государственной поддержки проблемных и депрессивных муниципальных образований согласуются субъектами федерации и муниципальными образованиями при подготовке бюджетов [2].

Автор полагает, что вопросы формирования внутренней структуры органов местного самоуправления являются частью проблемы, связанной с определением баланса между существующими процессами в сфере функционирования местного самоуправления и перспективы его развития.

Для разработки и внедрения более эффективной системы муниципального управления, по мнению автора, требуется широкое обсуждение данного вопроса о системе органов муниципального

образования, а также реорганизации организационной структуры администрации, отдельных структур и сфер их деятельности, необходимо сочетание различных типов организационных структур и методов достижения целей, разработки и внедрения эффективной системы муниципального управления, реорганизации организационной структуры администрации.

При этом выбор оптимальной структуры управления муниципальным образованием должен состоять из следующих элементов: модели и организационного проекта реорганизации администрации муниципального района городского или сельского поселения; разработка нормативно-правовой базы деятельности органа местного самоуправления сформированного по принципу представительства сельских муниципальных образований (главы сельских поселений и депутаты сельских муниципалитетов), разработка типовых нормативных правовых актов для различных областей муниципальной деятельности, разработка положений об основных организационно-административных подразделениях администраций муниципальных районов с участием сити-менеджера в работе администрации городского (районного) муниципального образования.

Список литературы:

1. Андреева Л.А. Правотворчество органов местного самоуправления (по материалам Новгородской области). Автореферат дис.канд. юр.наук. Северо-Западная академия государственной службы - Санкт-Петербург, 1999. — 23 с.
2. Бюджетный Кодекс Российской Федерации// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: СПС КонсультантПлюс (дата обращения 24.01.15).
3. Конституция РФ 1993 года/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 24.01.2015).
4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular>(дата обращения 18.01.15).

СЕКЦИЯ 6.

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ДОВЕРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД В ЧЕШСКОМ ПРАВЕ

Витоул Властимил

*магистр права, аспирант кафедры гражданского права
Юридический факультет, Университет им. Масарика,
Чехия, г. Брно*

E-mail: vitol.vlastimil@gmail.com

Лаврушин Константин Владимирович

*магистр права, аспирант кафедры коммерческого права
Юридический факультет, Университет им. Масарика,
Чехия, г. Брно*

E-mail: lawphorum@gmail.com

TRUST FUND IN CZECH LAW

Vlastimil Vitoul

*master of Law,
Department of Civil Law Faculty of Law, Masaryk University,
Czech Republic, Brno*

Konstantin Lavrushin

*master of Law,
Department of Commercial Law Faculty of Law, Masaryk University,
Czech Republic, Brno*

Предлагаемая статья была написана в рамках проекта специального исследования «Instituty správy majetku a jejich specifika» на юридическом факультете, Университет им. Масарика, Брно, Чехия.

АННОТАЦИЯ

В статье авторы описывают институт доверительного фонда в чешском праве, который был в чешский гражданский кодекс позаимствован из гражданского кодекса штата Квебек, Канада. Интерес к доверительному фонду данного образца может быть для российского правоведа в том, что такой доверительный фонд способен существовать и в праве континентального типа, т. е. в будущем может быть введен и правовую систему России.

ABSTRACT

The authors describe the institute of trust fund in the Czech law that was in the Czech Civil Code borrowed from the Quebec Civil Code, Canada. Russian jurisprudent may be interested in this type of trust fund due to availability of this type in the continental law, i. e. it may be putting in the Russian law in the future.

Ключевые слова: доверительный фонд; траст; чешский гражданский кодекс.

Keywords: trust fund; trust; Czech Civil Code.

В 2014 году в Чехии произошла существенная рекодификация частного права, которая готовилась более 20 лет. В силу вступил ряд законов, регулирующих частноправовые отношения, в том числе в силу вступил новый гражданский кодекс (далее «ГК ЧР»). Несмотря на то, что большинство новых нормативных актов вызвало большое недоверие, это не привело к кризису, и новое частное право стало неотъемлемой частью общества и его сознания. Рекодификация принесла ряд новых институтов, в том числе и институт доверительного фонда, который авторы описывают в статье. Интерес для российского правоведа может быть в том, что в России были попытки ввести данный институт, но на данный момент его не только не существует, но органы государственной власти даже неохотно признают иностранные формы доверительных фондов (трастов).

Институт доверительного фонда был введен в ГК ЧР благодаря намерениям авторов ГК ЧР предложить гражданам более широкий спектр правовых институтов, используемых для управления имуществом [6], а также попытке открыть Чехию для иностранного капитала [1]. По рекомендации Легислативного совета Правительства Чехии были в ГК ЧР закреплены общие положения об управлении чужим имуществом и доверительном фонде. При этом данные положения были заимствованы из гражданского кодекса штата Квебек (Канада).

Таким способом Чехия стала с 1-го января 2014 г. всего второй европейской страной, которая имеет в своем праве траст (trust) почти в чистом виде [2]. Первой европейской страной, которая ввела институт траста для привлечения иностранных инвесторов из стран англосаксонской правовой традиции, был в 1926 г. Лихтенштейн [3, с. 202—206]. Другие европейские страны, если и являются сторонами Гаагской конвенции о праве, применимом к трастам, и их признании, но в своем праве институт траста не имеют.

Авторы обращают внимание на то, что при более подробном ознакомлении с институтом доверительного фонда в ГК ЧР, считать его трастом в смысле англо-саксонской правовой традиции нельзя. Доверительный фонд имеет ряд знаков траста, но, не смотря на это, он все равно является лишь трансплантатом траста. В Чехии отсутствует континуитета регулирования и традиция данного института, и к тому же Чешское право является правом континентального типа, в котором собственность не имеет раздвоения на так называемые *equity* и *common law* [5, с. 53].

Доверительный фонд является специфическим правовым инструментом для управления чужим имуществом. Он основывается на выделении имущества из собственности основателя доверительного фонда и его передачи в управление управляющему, который обязуется владеть и управлять имуществом в пользу бенефициаров. Имущество, вложенное в доверительный фонд, при этом не является собственностью ни учредителя, ни управляющего и даже ни бенефициаров. Данное имущество не имеет собственника, но у управляющего есть широкие полномочия в отношении управления таким имуществом; он может с ним делать все, что необходимо и полезно.

На первом этапе, когда институт доверительного фонда был только представлен широкой профессиональной общественности, поднялась волна критики, отвержения и попытки устранить институт доверительного фонда из ГК ЧР. Поводом такой реакции стало незнание и непонимание функционирования доверительного фонда, и отсутствие желания принять указанную форму собственности, которая нарушает существующий принцип, что собственника можно всегда определить [4, с. 1193]. В данном случае, права и обязанности собственника имеет управляющий, который сам собственником никак не является. Он ограничен только законной обязанностью управлять имуществом надлежащим способом. Все действия управляющего подлежат контролю со стороны учредителя, бенефициара, а также суда или других лиц, которые указаны в уставе доверительного фонда.

Правовые отношения на протяжении существования доверительного фонда в основном урегулированы его уставом. Помимо этого, ГК ЧР наделяет некоторые субъекты правом обратиться в суд, если управляющий не действует в соответствии с данным уставом. Таким образом, именно устав является основной нормой для создания и функционирования доверительного фонда. В уставе отражена воля учредителя. ГК ЧР далее предписывает минимальное содержание устава таким образом:

- а. наименование доверительного фонда,
- б. определение имущества,
- в. определение цели доверительного фонда,
- г. условия для исполнения и выплаты из доверительного фонда бенефициару,
- д. срок действия (если не указан, то закон устанавливает бессрочный),
- е. определение бенефициара, если из доверительного фонда будет выводиться имущество.

В силу своей сущности доверительный фонд схожий с юридическим лицом. Особенно по функции он приближен к благотворительному фонду, но, в отличие от него, не является юридическим лицом — у доверительного фонда нет правосубъектности [2, с. 1153], [3, с. 202—206]. Однако, учитывая то, что благотворительные фонды ограничены в своем предназначении только для общественных или экономически благих целей, их невозможно использовать для целей частного или смешанного характера [2]. Решением данного недостатка могут стать именно доверительные фонды [3, с. 202—206]. Несмотря на то, что были попытки выявить у доверительных фондов правосубъектность, в итоге сохранилась первоначальная сущность, так как иначе был бы устранен его вещно-договорной характер и была бы существенным способом нарушена гибкость, которая для trust-like институтов свойственна.

Авторы обращают внимание на то, что законодатель в связи с рекодификацией частного права решил предложить гражданам широкий спектр правовых инструментов для управления имуществом (своим или чужим), чтобы они могли выбрать самый подходящий, в зависимости от своих потребностей. Одним из таких правовых инструментов является именно доверительный фонд. Благодаря своей гибкости и в силу диспозитивности соответствующих положений ГК ЧР он может быть использован для многих целей как форма владения имуществом. Авторы отмечают, что для чешского права доверительный фонд является институтом новым, и поэтому — после года

действия ГК ЧР — все еще не очень популярным между широкой публикой. Развитию использования доверительного фонда также может наносить вред тот факт, что Министерство юстиции Чехии, после кадровых изменений, обсуждает отмену этого института. Аргументом в данном случае является непрозрачность и фактическая невозможность выявления собственника имущества в доверительном фонде.

Авторы не разделяют аргументов критиков доверительного фонда. Ведь для незаконной деятельности, или для мошенничества можно использовать также любой другой институт, любую другую форму владения имуществом. Авторы обращают внимание на мировую практику, в которой — даже если она в большинстве англо-американская — доверительный фонд или траст используются гражданами, коммерческими предприятиями, или даже банками.

Список литературы:

1. Мотивы к Закону № 89/2012 Сб., гражданский кодекс — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://obcanskyzakonik.justice.cz/texty-zakonu/> (дата обращения 10.02.2015).
2. Закон № 89/2012 Сб., гражданский кодекс — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://obcanskyzakonik.justice.cz/texty-zakonu/> (дата обращения 10.02.2015).
3. RONOVSÁ K. Nadace (a trusty) v kontinentální Evropě: Pohled funkcionální. *Obchodněprávní revue*, Praha, C.H. Beck., — vol. 4, — № 7 — 8/2012.
4. SPÁČIL J. a kol.: *Občanský zákoník III. Věcná práva (§ 976–1474). Komentář*. 1. vydání. Praha: C.H. Beck, 2013.
5. TICHÝ, RONOVSÁ K., KOCÍ, M.: *Trust a srovnatelné instituty v Evropě*. Praha: Univerzita Karlova, 2014.
6. Wright L.A., *Trusts and the Civil Law A Comparative Study*, 6 W. Ontario L. Rev. 114, 1967.

НОРВЕЖСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ

Насонов Сергей Александрович

*канд. юрид. наук, доцент Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
РФ, г. Москва*

E-mail: sergei-nasonov@yandex.ru

NORWEGIAN PROCEDURE MODEL IN TRIAL JURY

Sergey Nasonov

*candidate of Legal Sciences,
Associate professor of Kutafin Moscow State Law University,
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена особенностям производства в суде присяжных по уголовно-процессуальному законодательству Норвегии. Автор рассматривает особенности формирования коллегии присяжных заседателей, постановки вопросов перед присяжными заседателями, специфику соотношения вердикта и приговора. В статье проводится сравнительно-правовой анализ норвежского и российского производств в суде присяжных.

ABSTRACT

The article is devoted to the procedure peculiarities of criminal procedural law of Norway in trial jury. The author considers the formation peculiarities of the jury, raising questions in front of the jury members, the specificity of verdict and sentence ratio. The article presents a comparative legal analysis of the Norwegian and Russian procedure in the trial jury.

Ключевые слова: норвежская модель производства в суде присяжных; производство в суде присяжных; вердикт присяжных заседателей; присяжные заседатели; обсуждение последствий вердикта; председательствующий судья.

Keywords: Norwegian procedure model in the trial jury; procedure in the trial jury; verdict by a jury; jury; discussion of verdict consequences; chief judge.

Наряду с традиционными формами производства в суде присяжных в Европе, самобытная модель такого производства закреплена в Уголовно-процессуальном акте Норвегии (The Criminal Procedure Act) от 22 мая 1981 года [3].

Главная особенность этой модели состоит в том, что в Норвегии суд присяжных функционирует только в качестве суда апелляционной инстанции. Согласно статье 352 Уголовно-процессуального акта Норвегии, апелляционный суд должен включить в свой состав присяжных заседателей, если в апелляционной жалобе на приговор оспаривается оценка доказательств, подтверждающих виновность осужденного, либо оспаривается размер наказания, назначенного судом за совершение преступления, за которое полагается более 6 лет лишения свободы [3, с. 107].

Вместе с тем, такой порядок апелляционного производства не распространяется на приговоры, вынесенные по отдельным составам преступлений (разглашение государственной тайны и проч.); приговоры, постановленные по результатам нового рассмотрения дела (после отмены предыдущего приговора), а также по делам несовершеннолетних.

Кроме того, в ст. 353 Уголовно-процессуального акта подчеркивается, что, если апелляция касается, помимо оспаривания доказательств, которые могут быть рассмотрены с участием присяжных, сугубо юридических аспектов дела (юридических недостатков приговора, процессуальных нарушений), она должна быть рассмотрена апелляционным судом *без участия присяжных* [3, с. 107].

Число присяжных заседателей в коллегии составляет 10 человек, однако по сложным делам председатель суда может принять решение о назначении 11 или 12 присяжных по конкретному делу. Вместе с тем, даже в такой ситуации, в голосовании по вопросам вердикта принимают участие только 10 присяжных заседателей. По этой причине, при рассмотрении дела «расширенной коллегией» присяжных, по жребию должны быть выбраны 1 или 2 присяжных заседателя, которые не будут участвовать в принятии решения. Жребий должен быть проведен таким образом, чтобы, по возможности, в итоге осталось равное число женщин и мужчин. Старшина присяжных остается в любом случае и не принимает участия в жеребьевке.

Представляется, что институт «дополнительных» присяжных заседателей в Норвегии является более эффективным, чем российский вариант запасных присяжных, поскольку неопределенность в вопросе — кто именно будет отстранен от вынесения вердикта,

способствует активному восприятию доказательств *всеми* присяжными заседателями, а не только основными.

Порядок формирования коллегии присяжных заседателей в Норвегии соответствует основным признакам традиционных моделей такого производства.

Согласно ст. ст. 356, 357 Уголовно-процессуального акта, сторонам предоставляется право исключить из состава присяжных любое число человек, превышающее 10, 11 или 12, в зависимости от количества кандидатов в присяжные заседатели [3, с. 108].

Обвиняемый, а затем сторона обвинения вправе по очереди исключать одного кандидата в присяжные заседатели за другим до тех пор, пока общее количество неотведенных кандидатов не дойдет до нужного числа.

Если право отвода не применялось сторонами, или по результатам этого этапа разбирательства, количество неотведенных кандидатов превышает 10—12 человек, то вопрос об исключении остальных кандидатов в присяжные заседатели решается путем проведения жеребьевки. Жеребьевка и исключение присяжных должны быть проведены таким образом, чтобы в итоге в составе присяжных осталось равное число мужчин и женщин.

Согласно ст. 359 Уголовно-процессуального акта, председатель суда должен сообщить присяжным порядок и правила рассмотрения дела, задачи и ответственность присяжных. Судья должен особо подчеркнуть, что с момента начала обсуждения вердикта и до его вынесения, а также во время слушания дела, присяжные не должны вести обсуждений или вступать в диалог ни с кем, кроме суда, а также удаляться из зала суда до тех пор, пока им не будет позволено это сделать, после того, как они вынесут вердикт.

Приводя заседателей к присяге, председатель суда должен задать присяжным следующий вопрос: «Подтверждаете ли вы, что вы будете внимательно относиться ко всей процедуре, что происходит в зале суда, и ответите на все поставленные вопросы настолько честно и справедливо насколько это возможно в соответствии с законом и представленными доказательствами?» Присяжные по очереди встают и отвечают: «Да, я подтверждаю» [3, с. 108].

Судебное следствие при апелляционном рассмотрении дела в Норвегии проводится путем представления и исследования доказательств сторонами обвинения и защиты.

Согласно ст. 363 Уголовно-процессуального акта после окончания исследования доказательств вины подсудимого, сторона обвинения должна представить суду свой вариант вопросов

присяжным. Стороне защиты предоставляется право высказать свое мнение о формулировке и количестве поставленных вопросов [3, с. 109].

Анализ положений статей 364—367 Уголовно-процессуального акта позволяет сделать вывод о закреплении в норвежском законодательстве модели вопросного листа англо-американского типа [1, с. 398]. Нил Видмар подчеркивает, что норвежские присяжные выносят “simple verdict” (упрощенный вердикт), предполагающий односложный ответ: «виновен» или «не виновен» [4, с. 446].

Вопросный лист по Уголовно-процессуальному акту включает в себя основной вопрос (ст. 366) и дополнительные вопросы (ст. 367) [3, с. 110].

Основной вопрос (за исключение случаев, когда не касается решения вопроса о виновности) должен начинаться словами: «Виновен ли обвиняемый». Вопрос должен содержать все признаки преступления, предусмотренные уголовным законом, а так же кратко, но настолько точно, насколько возможно, описание дела с указанием места и времени.

Дополнительные вопросы задаются о наличии обстоятельств, позволяющих в соответствии с законом смягчить или усилить наказание.

Когда все вопросы сформулированы, судья читает их вслух. Каждому присяжному выдается распечатка вопросов.

Согласно ст. 368 Уголовно-процессуального акта Норвегии, председательствующий выступает перед присяжными с напутствием, в котором дает краткое описание доказательствам, объясняет суть вопросов и применимые принципы и правила. Стороны могут попросить дополнительно объяснить тот или иной пункт, а также потребовать, чтобы какие-то из дополнительных разъяснений судьи были отражены в протоколе заседания [2, с. 211].

Далее присяжные удаляются в изолированную комнату для обсуждения вердикта. Они должны взять с собой написанный список вопросов с подписью председателя суда.

Удаляясь для обсуждения вердикта, присяжные заседатели могут забрать с собой фотографии, картинки, чертежи, карты и иное, представленное во время слушания. Присяжные также имеют право забрать с собой письменные доказательства, если суд посчитает это необходимым. Вместе с тем, присяжные не имеют права забирать с собой ранее данные показания обвиняемого, свидетелей или экспертов. Таким образом, права присяжных заседателей в Норвегии шире, чем у российских присяжных, которые не наделены

правом забирать в совещательную комнату что-либо, помимо собственных записей [2, с. 211].

После окончания обсуждения вердикта, присяжные голосуют по каждому отдельному вопросу в порядке согласно списку. Старшина голосует последним.

Для принятия неблагоприятного для обвиняемого решения требуется как минимум 7 голосов. Ни по какому вопросу не требуется указывать, кто как голосовал.

Присяжные, голосовавшие за оправдание обвиняемого, не принимают участие в голосовании по дополнительным вопросам, но считаются присоединившимися к тем, кто голосовал за благоприятные последствия для обвиняемого.

Старшина и первые два присяжных из списка (определенного ранее по жеребьевке) подписывают вердикт.

Согласно ст. 373 Уголовно-процессуального акта Норвегии, после проведения голосования присяжные возвращаются на свои места в зал суда. Старшина должен встать и сказать: «Присяжные, согласно данной ими присяге и доброй совести дали следующие ответы на поставленные вопросы...» Далее он должен вслух прочитать ответы на каждый из вопросов по списку. Старшина передает подписанный вердикт суду [3, с. 111].

Если суд заметит, что вердикт был вынесен с нарушением закона, либо является неясным, неполным или противоречивым, либо есть сомнение, что ответы отражают реальное мнение присяжных, суд может (до тех пор, пока не будет вынесен приговор) попросить присяжных удалиться для дополнительного обсуждения чтобы голосовать заново и исправить неточности.

Вместе с тем, если ошибка является формальной и не влияет на итог вердикта, то ничего не исправляется.

Если присяжные вынесли оправдательный вердикт, то суд должен сразу вынести оправдательный приговор, за исключением случая, когда суд полагает, что оправдан «без сомнения виновный». В этой ситуации коллегия присяжных распускается, а дело рассматривается заново, но уже в смешанном составе профессиональных судей и присяжных заседателей.

В случаях вынесения присяжными обвинительного вердикта, суд вправе вынести как обвинительный, так и оправдательный приговоры (по основаниям отсутствия состава преступления, истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности).

Согласно ст. 376 «е» Уголовно-процессуального акта Норвегии, когда присяжные объявляют подсудимого виновным, трое присяжных,

выбранных путем жеребьевки, должны совместно со старшиной присоединиться к суду для решения вопроса о назначении наказания и обязанности по несению расходов [3, с. 111].

Список литературы:

1. Насонов С.А. Виды вердиктов присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве по УПК РФ и зарубежному законодательству. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юрид. наук, профессора П.А. Лупинской: сборник научных трудов. М.:ООО «Изд-во «Элит», 2011.
2. Насонов С.А. Права и обязанности присяжных заседателей в судебном разбирательстве по уголовному делу: история и современность. Юридическая наука и практика: история и современность: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, 5 июля 2013 г./Филиал МИГУП в Рязанской области. -язань: Изд-во «Концепция», 2013. Вып. 1.
3. The Criminal Procedure Act. Act of 22 May № 25. With subsequent amendments, the latest made by Act of 30 June 2006 № 53. 2006.
4. Vidmar N. (ed) World jury systems. Oxford University Press. 2000.

СЕКЦИЯ 7.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И МУНИЦИПАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

ИНСТИТУТ СУДЕБНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ СССР В 1960—80-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Нуруллаев Рубин Рафаэльевич

*студент первого курса ФГБОУ ВПО Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
РФ, г. Астрахань
E-mail: rubin_96@bk.ru*

Имашева Марина Маратовна

*доцент, канд. ист. наук, ФГБОУ ВПО Астраханского филиала
Саратовской государственной юридической академии,
РФ, г. Астрахань*

INSTITUTE OF LEGAL EXECUTIVES OF THE USSR IN 1960—70-IES. (FOR EXAMPLE ASTRAKHAN REGION)

Nurullayev Rubin

*first-year student FGBOU VPO
of the Astrakhan branch of the Saratov state legal academy,
Russia, Astrakhan*

Imasheva Marina

*the associate professor, cand. ist. sciences FGBOU VPO
of the Astrakhan branch Saratov state legal academy,
Russia, Astrakhan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности службы судебных исполнителей в Астраханской области в 1965—1985 гг. Для раскрытия

темы были использованы методы: теоретический анализ и обобщение научной литературы, периодических изданий об истории города из архивов и фондов библиотек. Можно придти к выводу о том, что на службу судебных приставов на современном этапе возложен ряд ответственных функций: своевременное полное исполнение судебных решений, обеспечение установленного порядка деятельности судов.

ABSTRACT

In article features of service of judicial performers in the Astrakhan region v 1965—1985 gg are considered. For disclosure of a subject methods were used: the theoretical analysis and generalization of scientific literature, periodicals about city stories from archives and funds of libraries. It is possible to come to a conclusion that a number of responsible functions is assigned to service of bailiffs at the present stage: timely full execution of judgments, providing an established order of activity of the courts.

Ключевые слова: институт судебных исполнителей; 1960—80-е гг. Астраханская область.

Keywords: the institution of private bailiffs; 1960—80-ies of the Astrakhan region.

Актуальность темы данной статьи обусловлена тем, что проблемы исполнения судебных решений были во все периоды истории. Наряду с полицией, следствием, судом судебные приставы относятся к тем структурам, специфика деятельности которых заключается в выполнении непопулярного, но справедливого требования закона.

Исполнение решений, определений и постановлений по гражданским делам, исполнение приговоров, определений и постановлений по уголовным делам в части имущественных взысканий, а также других решений и постановлений в предусмотренных законом случаях производится судебными исполнителями [8].

Судебные исполнители состояли при судах, и назначались министрами юстиции автономных республик, начальниками отделов юстиции исполнительных комитетов краевых, областных, городских Советов народных депутатов, министрами юстиции автономных республик, а в союзных республиках без областного деления — министрами юстиции союзных республик [9].

Судебный исполнитель обязан по собственной инициативе принимать все законные меры к быстрому и реальному исполнению решения, разъяснять сторонам их права и обязанности и активно помогать им в защите их прав и охраняемых законом интересов [7].

Законодательство в период 1960—1985-е гг., являлось юридическим основанием деятельности службы судебных исполнителей. Структура службы в каждой административно-территориальной единице РСФСР определялась на принципах ее подчинения территориальным органам КПСС и юстиции.

До 1944 года Астрахань и 11 сельских районов, ныне составляющих территорию Астраханской области, входили в состав территории Сталинградской области в составе РСФСР, и лишь с 1944 года получили статус самостоятельного административно-территориального образования [1].

С образованием Астраханской области здесь сформировалось и Управление Министерства юстиции. До этого времени в городе действовал лишь окружной суд. В сороковых годах прошлого века наркомат юстиции находился в здании по ул. Свердлова, известном как Дом Союзов.

Территориальные Управления Министерства юстиции существовали до 1958 года. Затем они были упразднены, их функции переданы областным судам, которые кроме непосредственно судебной работы организовывали материально-техническое обеспечение, подбор кадров, им также подчинялся нотариат. До конца 1970-х все эти функции замыкались на областном суде.

В конце 1970 года Управления и отделы Минюста (в зависимости от величины региона) в целях отделения судебных действий и освобождения судов от несвойственных им функций были восстановлены. В ведении облсуда осталось исключительно правосудие. Все районные народные суды замыкались на отделе юстиции — им подбирали кадры, обеспечивали всем необходимым.

В 1962 году председателем областного суда, а, следовательно, и руководителем службы судебных исполнителей был назначен И.А. Кудинов. С 1970 года он возглавлял и отдел юстиции Астраханского облисполкома. В июле 1987 г. И.А. Кудинов ушел на пенсию, его сменил Борис Петрович Григорьев, который проработал на должности председателя Астраханского областного суда до сентября 2001 г. [3].

4 января 1998 г. была образована и начала действовать Служба судебных приставов, которая до 2003 года входила в состав Управления Министерства юстиции по Астраханской области, а затем стала отдельной структурой. 8 января 1998 на территории Астраханской области был создан Федеральный орган — Управление Судебного департамента при Верховном суде РФ в Астраханской

области, в подведомственность которого перешли областной суд и районные суды.

Таким образом, с 1958 до 1998 гг. (в том числе и в период 1965—1985 гг.) служба судебных исполнителей была подчинена отделу юстиции Астраханского облисполкома и областному суду.

В Государственном архиве Астраханской области сохранились сведения о работе судебных исполнителей. Это ежегодные статистические отчеты районных и областного суда Астраханской области за указанный период (1965—1985 гг.), ежегодные статистические отчеты о работе судебных исполнителей за тот же период, протоколы оперативных совещаний (1971—1976 гг.), документы обобщений судебной практики по уголовным и гражданским делам и сведения об их реализации (1971—1976 гг.), справки по результатам проверок районных (городских) народных судов и оказанию им практической помощи (1971—1985 гг.).

Это «показатели работы» судебного исполнителя Черноярского района Болдырева Н.В.: «За 8 месяцев 1963 г. к судебному исполнителю Болдыреву Н.В. поступило 250 исполнительных листов. Остаток на 1 января 1963 года составлял 3 производства. Таким образом, всего в производстве у него находилось 253 исполнительных производства, из которых он сам исполнил 93, передано учреждениям, предприятиям, колхозам — 94, в места заключения — 2, учреждениям Госбанка — 31, другим судебным исполнителям — 10, возвращено взыскателям — 11, в другие суды направлено — 3. Остаток на 1 сентября — 9» [2].

Существенным недостатком службы было отсутствие профессионально подготовленных кадров. При назначении служебных исполнителей, руководствовались, главным образом, приверженностью социалистическим идеалам и не требовали даже знания азов юридической науки, считая, что практика сама научит людей бороться за «соблюдение социалистической законности». Должности судебных исполнителей преимущественно занимали люди, не имевшие не только юридического образования, но и с неполным средним образованием. В анкетах встречаются даже такие записи: «образование 4 класса», «образование 5 классов» [4].

«Очень многие писали с грубейшими грамматическими ошибками. Если эти недостатки можно было списать на трудное послевоенное время, то к несвоевременной сдаче казенных денег, растрате относились достаточно строго. Нередки были увольнения с формулировкой: по п. «г» ст. 47 КЗОТ — за злоупотребление

служебным положением — в основном растраты на личные нужды денег, полученных от исполнительских действий [5].

Из Постановления оперативного совещания отдела юстиции при Астраханской облисполкоме от 18 ноября 1977 года «О работе по подбору, расстановке и воспитанию кадров судебных исполнителей в районных народных судах области»: «Оперативное совещание отмечает, что, претворяя в жизнь решения XXV съезда КПСС, указания Министерств юстиции СССР и РСФСР, в области проделана некоторая работа по повышению качества практической деятельности районных народных судов, эффективности судебных заседаний, подбора, расстановки и воспитания кадров судебных работников и исполнения решений народных судов, важное место занимают судебные исполнители» [6].

В советском государстве при подборе кадров большое внимание уделяли и принадлежности кадров к партии и комсомолу. Особенно в таких отраслях, как управление, юстиция, образование. В этом отношении состав астраханской службы судебных исполнителей был не совсем «благонадежным» и «сознательным». Из Постановления оперативного совещания отдела юстиции при Астраханской облисполкоме от 18.11.77 года: «...Вместе с тем, данные свидетельствуют, что в результате отсутствия целеустремленности в подборе, расстановке и воспитании этих работников со стороны председателей районных нарсудов среди судебных исполнителей низка партийная и комсомольская прослойка, около 50 % судебных исполнителей не имеют даже общего среднего образования. Учебой в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях охвачено всего 7 % к общему составу» [1].

Можно придти к обоснованному выводу о том, что востребованность службы судебных приставов ни у кого не вызывает сомнений. На службу судебных приставов на современном этапе возложен ряд ответственных функций, а именно своевременное полное исполнение судебных решений, обеспечение установленного порядка деятельности судов.

Список литературы:

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 3725, оп. 1, д. 23, л. 30.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 770, оп. 1, д. 8, л. 45, д. 35, л. 12.
3. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 770, оп. 1, д. 74, л. 12.

4. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 770, оп. 1, д. 85, л. 65.
5. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 820, оп. 1, д. 48, л. 32, д. 52, л. 12, д. 72, л. 23.
6. Государственный архив Астраханской области (ГААО), ф. 3725, оп. 1, д. 23, л. 30.
7. Закон РСФСР от 08.07.1981 г. «О судоустройстве РСФСР»// «Ведомости ВС. РСФСР», — 1981, — № 28, — ст. 976.
8. Закон «Об утверждении основ гражданского судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик» от 08.12.1961 // Ведомости ВС. СССР. — 1961. — № 50. — ст. 526.
9. Инструкция «Об исполнительном производстве» (утв. Приказом Минюста СССР от 15.11.1985 № 22) // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1981. № 11.

СЕКЦИЯ 8.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

МЕСТО И РОЛЬ НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ В РАБОТЕ СУДЬИ

Филин Дмитрий Михайлович

*студент Института права
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград
E-mail: mitya.filin.2013@mail.ru*

Боровков Александр Владимирович

*магистр права, старший преподаватель
кафедры гражданского и арбитражного процесса
Волгоградского государственного университета,
РФ, г. Волгоград
E-mail: borovkovav@rambler.ru*

THE PLACE AND ROLE OF MORAL PRINCIPLES IN THE WORK OF JUDGES

Filin Dmitry

*student, Institute of Law Volgograd State University,
Russia, Volgograd*

Borovkov Alexander

*master is right, the senior teacher chairs of civil and arbitration process
Volgograd state university,
Russia, Volgograd*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрена роль нравственных принципов в деятельности судьи и предложены пути разрешения проблемы, рассматриваемой в данной статье.

ABSTRACT

This article considers the role of moral principles in the activities of a judge. And to propose ways to resolve the problem that is described in this article.

Ключевые слова: судья; нравственные принципы; современные проблемы судопроизводства.

Keywords: judge; moral principles; modern problems of rule-making.

От нравственной деятельности судьи зависит многое в жизни участников судебного процесса. Основным принципом в работе судьи, как и основным принципом всего правосудия является справедливость. Справедливое правосудие допустимо только в том случае, если судья беспристрастен, одинаково относится к сторонам, другим участникам судебного процесса. Отдельные аспекты регулирования деятельности судьи в РФ нравственными нормами уже становились предметом научного анализа [1; 2; 3; 4; 9].

К числу принципов, на которых базируется деятельность судьи, на базе Кодекса судейской этики относят: принцип независимости — конституционный принцип, обеспечивающий верховенство права при осуществлении правосудия обеспечения верховенства права при осуществлении правосудия и является условием основной гарантии и беспристрастности справедливого судебного разбирательства; принцип объективности и беспристрастности — этот принцип означает, что судья при исполнении своих обязанностей должен быть независим от каких-либо предпочтений, предубеждений или предвзятости; принцип равенства — обеспечивает равное отношение ко всем участникам судебного разбирательства, в соответствии с этим принципом судье запрещается демонстрировать свою религиозную принадлежность и требуется исполнять свои непосредственные обязанности без предвзятости и дискриминации; принцип компетентности и добросовестности — обязывает судью «соблюдать высокую культуру поведения в процессе, поддерживать порядок в судебном заседании»[5].

В соответствии со ст. 120 Конституции РФ, судьи должны быть независимы и подчиняться только Конституции Российской Федерации и федеральному закону [6].

В ст. 121, 122 Конституции РФ регламентируется, что судьи неприкосновенны и несменяемы [6].

Нельзя не отметить такой важный аспект в поддержании нравственности судебного процесса, как особая нравственная ответ-

ственность судьи при рассмотрении дела в коллегиальном составе. Нужно отметить, что при коллегиальном рассмотрении дела председательствующий судья находясь в равном положении с другими судьями, несет большую ответственность ввиду многоплановости его деятельности, к этому можно отнести организацию деятельности коллегии судей, грамотное отправление правосудия, поддержание особого микроклимата в коллективе, который бы способствует правильному и объективному рассмотрению дела.

Таким образом, нравственные принципы, закреплённые в Конституции РФ и Кодексе судейской этики, являются определяющими в деятельности судьи. Судья в любой ситуации должен сохранять личное достоинство, избегать всего, что может умилять авторитет судебной власти, причинить ущерб репутации судьи, поставить под сомнение его объективность и независимость при осуществлении правосудия. Общественное мнение, возможная критика деятельности судьи не должны влиять на законность и обоснованность решений. Судья должен быть терпеливым, вежливым, тактичным и уважительным в отношении участников судебного разбирательства, также судья не вправе критиковать действия своих коллег. Судье разрешается участвовать в общественной деятельности, если она не наносит ущерба авторитету суда и надлежащему исполнению судьей своих профессиональных обязанностей.

Всем вышеперечисленным положениям мешает большое количество проблем, одна из которых — вмешательство органов исполнительной власти в деятельность судей, что, безусловно, нарушает принцип независимости в их деятельности. Состязательный процесс, не находя поддержки в реальной жизни, приобретает обвинительный характер, который по факту навязывается прокуратурой. Загруженность в делах, влияет на независимость судей, что приводит к формальному подходу к разбираемому делу. Следовательно, нарушается принцип добросовестности и компетентности судьи, который провозглашен ст. 11 Кодекса Судейской Этики [7]. При таком положении дел правосудием приобретает формальный характер, который направлен на быстрое разрешение дела без учета принципов гуманности, законности, справедливости, и т. д. Бесспорно, речь о нравственном характере таких процессов не идет.

Представляется, что поддержанию и развитию нравственности могут способствовать такие мероприятия как:

- предоставление возможности реального разделения власти, при котором существует недопустимость вмешательства ветвей власти;
- Должное обеспечение надзора за соблюдением предписаний и закона Кодекса судейской этики;
- Доработка Кодекса судейской этики, например, в части минимизации оценочных суждений, введения критериев оценки нравственного и безнравственного поведения судьи во внеслужебной деятельности;

Судья занимает главенствующую позицию по отношению к другим участникам процесса, поскольку только он, имея властные полномочия может принудить данных лиц к исполнению, как законов, так и основных нравственных норм, которые могли бы способствовать непредвзятому и эффективному рассмотрению дела. Однако и сам судья, его поведение во время заседания должны соответствовать его статусу и нравственному облику справедливого и объективного человека.

Однако, несмотря на вышеперечисленные требования и обязательства, относящиеся к судебной деятельности, на практике встречаются и противоположные по своей сути деяния. Например, весной 2013 года в Дахадаевском районе республики Дагестан, судья Р.К. Амирбеков, находясь в приемной своего коллеги Кайтагского районного суда М.О. Омарова вступил в словесные пререкания с секретарем судебных заседаний А.С., перешедшие в драку между ними, в процессе которой Р.К. Амирбеков ударил А.С. Магомедову рукой по лицу. В результате произошедшего инцидента А.С. Магомедова была госпитализирована в Центральную районную больницу Дахадаевского района с ушибленной раной спинки носа и сотрясением головного мозга. Р.К. Амирбеков также обратился к специалистам этой больницы, но от госпитализации отказался. Управлением Следственного комитета Российской Федерации по Республике Дагестан в возбуждении уголовного дела по факту получения телесных повреждений А.С. Магомедовой отказано в связи с предусмотренным пунктом 1 части 1 статьи 24 УПК Российской Федерации отсутствием состава преступления. Дисциплинарное судебное присутствие признало доказанным нарушение Р.К. Амирбековым требований, предъявляемых к поведению судьи Законом Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и Кодексом судейской этики, Р.К. Амирбеков не уклонился от конфликта с секретарем судебных заседаний Магомедовой А.С, нарушил трудовую дисциплину, тем самым сознательно совершил деяния, умаляющие

достоинство судьи и авторитет судебной власти, несовместимые с высоким званием судьи. Наложённое на Р.К. Амирбекова дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерно тяжести совершенного судьей дисциплинарного проступка, при его назначении квалификационной коллегией судей исследованы и учтены все обстоятельства совершенного дисциплинарного проступка и степень тяжести допущенных судьей нарушений [8].

Таким образом, вся деятельность судьи и в рабочее время, и в личное время регулируется нормативно-правовыми актами, включая Конституцию РФ. Благодаря этим нормативно-правовым актам, существуют рамки возможного и допустимого в действиях судьи, а за нарушение этих правил наступает ответственность, которая влечет за собой последствия различной тяжести, вплоть до уголовного наказания.

Список литературы:

1. Боровков А.В., Маренич М.Н. ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ СУДЕБНОЙ РЕЧИ В ГРАЖДАНСКОМ, АРБИТРАЖНОМ И УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ//Сборник научных трудов Sworld. — 2014. — Т. 30. — № 2. — С. 92—95.
2. Боровков А.В. «НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ» СУДЕЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ//В мире научных открытий. — 2013. — № 11. 6 (47). — С. 334—337.
3. Боровков А.В., Смирнов А.С. ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «ЦВЕТОВ КРАСНОРЕЧИЯ» СУДЕБНЫМ ОРАТОРОМ//Вопросы современной юриспруденции. — 2014. — № 37. — С. 11—15.
4. Боровков А.В., Улесов Н.И. ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБВИНИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ В СУДЕ//Законность и правопорядок в современном обществе. — 2014. — № 18. — С. 112—115.
5. Боровков А.В., Боровкова О.Э. ПРАВОВОЙ АСПЕКТ «НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ» СУДЬИ// Наука и образование в XXI веке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 сентября 2013 г.: в 34 частях. Тамбов, 2013. — С. 23—25.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ//Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398. Ст. 120—122.

7. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 12.12.2012)// Документ опубликован не был. Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vsrfr.ru> (24.12.2014).
8. Решение Дисциплинарного судебного присутствия по делу № ДСШЗ-104 от 10.12.2013 г.//Текст решения приведен на сайте [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://dsp.sudrf.ru/>. (Дата обращения 24.12.2014 г.)
9. Borovkov A.V., Kolotilina A.A .ETHICS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF THE LAWYER AND THE PROSECUTOR IN ESTABLISHMENT OF CONTACT WITH JUDICIAL AUDIENCE//The First International Conference on Eurasian scientific development Vienna, 2014. — С. 443—447.

СЕКЦИЯ 9.

СТРАХОВОЕ, МЕДИЦИНСКОЕ, ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И НОТАРИАТ

ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА И ЕЕ МЕСТО В СТРУКТУРЕ НЕБЛАГОПРИЯТНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЛЕЧЕНИЯ (ЯТРОГЕНИЙ)

Колоколов Георгий Рюрикович

*канд. мед. наук, доцент ФГБОУ ВПО СГЮА,
РФ, г. Саратов*

E-mail: kolokolov@yandex.ru

MEDICAL ERROR AND ITS PLACE IN THE STRUCTURE OF THE ADVERSE EFFECTS OF TREATMENT (IATROGENIC DISEASE)

Kolokolov Georgiy

*candidate of medical sciences, docent of Saratov State law Academy,
Russia, Saratov*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема неблагоприятных последствий оказания медицинской помощи. Автором анализируются современные представления о ятрогенных воздействиях, их классификация, понятие и значение врачебных ошибок как одного из видов неблагоприятных последствий лечения, рассматриваются причины их возникновения, принципы правовой оценки. Исследование указанных вопросов позволило автору сделать вывод о том, что ятрогенные воздействия вообще и врачебные ошибки, в частности, представляют собой системную проблему безопасности при оказании медицинской помощи.

ABSTRACT

The article considers the problem of adverse effects of medical care. The author analyzes modern concepts of iatrogenic effects, their classification,

the concept and importance of medical errors as one of the adverse effects of treatment, discusses their causes, the principles of the legal assessment. The study of these questions allowed the author to conclude that iatrogenia represent a systemic problem of safety in the provision of health care

Ключевые слова: неблагоприятные последствия лечения; ятрогении; врачебная ошибка; правовая оценка; системная проблема; безопасность.

Keywords: adverse effects of treatment; iatrogenic; medical error; legal assessment; systemic problem; security.

Как известно, человеческий организм подвержен постоянным негативным воздействиям со стороны различных факторов окружающей среды. К ним относят физические, химические, биологические и психические факторы, которые можно расценить как природные, либо антропогенные. При этом, если опасность природных факторов среды обитания для здоровья и жизни человека по мере развития человеческого общества снижается, то роль антропогенных воздействий постоянно растет. Во второй половине XX в., в эпоху научно-технической революции, эта опасность увеличилась до угрожающих существованию человечества масштабов [2, с. 3—5]. Среди антропогенных факторов особая роль принадлежит т.н. ятрогениям (ятрогения — греч. *iatros* — врач, *genes* — порождающий).

Отечественные и зарубежные исследования, посвященные проблемам качества оказания медицинской помощи, свидетельствуют о неуклонном росте осложнений и заболеваний, возникающих вследствие диагностики и лечения. Эти осложнения и заболевания были названы экспертами Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) ятрогениями или НПЛ (неблагоприятные последствия лечения).

В настоящее время, согласно МКБ-10 (Международная классификация болезней 10-го пересмотра), под НПЛ или ятрогениями понимают любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и лечебных вмешательств либо процедур, которые приводят к нарушениям функций организма, ограничению привычной деятельности, инвалидизации или смерти, а также осложнения медицинских мероприятий. Указанные негативные последствия могут развиваться в результате как ошибочных, так и правильных действий врача.

Такое расширительное понимание ятрогенных воздействий, с включением в их состав болезней, вызванных действием всех медицинских факторов (психической, физической, химической

и биологической природы), является преобладающим в современной научной литературе.

И.Ф. Калигиевский с соавт. [4, с. 101] предлагают два определения ятрогении:

1. любое новое побочное заболевание (в том числе функциональное), связанное с действиями (лечение, диагностические исследования, профилактика, поведение и др.) медицинских работников независимо от того, правильными или неправильными они были;

2. осложнения основного заболевания, вызванные ошибочными или неадекватными действиями врача.

А.П. Красильников и А.И. Кондрусев [6, с. 94] также понимают под ятрогениями любые болезни, которые возникают у пациента в результате медицинских вмешательств или даже общения с медицинскими работниками, независимо от места оказания медицинской помощи и причинного фактора. Наиболее полно все многообразие ятрогений отражает следующее определение: ятрогении — это все болезни и травмы, которые возникают у пациентов и медицинских работников в результате оказания любых видов медицинской помощи [7, с. 3].

Современные классификации ятрогенных воздействий, в основном, учитывают причинный фактор [4, с. 101; 5, с. 108; 6, с. 375; 7, с. 3]. С.Я. Долецкий [3, с. 14—18] выделяет ятрогении общения и ятрогении воздействия, Е.С. Белозеров [1, с. 8—12] различает среди ятрогений общие реакции организма, поражения отдельных органов и тканей, медикаментозный тератогенез и онкогенез, побочное действие лекарств, Е.Д. Черствой с соавт. [10, с. 6] в основу классификации положили вид медицинского вмешательства.

Таким образом, ятрогении в настоящее время рассматриваются как любые нежелательные и неблагоприятные последствия тех или иных методов лечения, диагностических и профилактических мероприятий, т. е. все неблагоприятные последствия медицинской деятельности — как ошибочной, так и правильной.

В соответствии с МКБ-10 [8, с. 313], с учетом наличия или отсутствия вины медицинского работника за нанесение вреда здоровью пациента (по правовому критерию), ятрогении можно разделить на четыре группы (классификация т. н. несчастных при оказании медицинской помощи):

- медицинские осложнения, которые не зависят от медицинского работника, а возникают в связи с природой организма человека,

повреждающего фактора (патогена), с несовершенством методов и средств диагностики, терапии и профилактики (врачебная ошибка);

- ятрогении, связанные с неправильным (ошибочным, неадекватным), но неумышленным поведением врача, которые возникают, например, при нарушении техники проведения манипуляции или операции, неправильном назначении препарата или процедуры либо когда больного оставляют без медицинской помощи и ухода. Причиной неправильного поведения врача в этих случаях является недостаточная компетентность (незнание, неумение) или небрежное выполнение своих обязанностей (халатность). При этой группе осложнений врач может и должен нести ответственность за свои неосторожные действия (бездействие), с учетом наступивших неблагоприятных последствий;

- редчайшие случаи умышленного причинения смерти или вреда здоровью пациента, когда врач привлекается к уголовной ответственности;

- группа ятрогений неясного характера, без уточнения случайности или преднамеренности действий медицинского работника.

Как видно из представленной классификации, понятие ятрогении не тождественно термину «медицинская (врачебная) ошибка». К врачебным ошибкам не следует относить случаи халатности, невнимательности или медицинского невежества. В отличие от врачебного преступления, врачебная ошибка не может быть предусмотрена и предотвращена врачом, а поэтому не содержит состава преступления или врачебного проступка и не влечет за собой юридической ответственности и наказания.

Ятрогенные воздействия, таким образом, лишь в своей части обусловлены врачебными ошибками, которые могут быть обусловлены как объективными (недостатки в организации диагностических и лечебных мероприятий на разных уровнях системы здравоохранения), так и субъективными (недостаточное обследование больного, недоучет клинических, анамнестических данных, результатов лабораторных, инструментальных исследований и др.) причинами.

Частота развития ятрогений и их тяжесть в значительной мере зависят от низкого уровня развития медицинской науки и техники, недостатков в организации оказания медицинской помощи населению, в системе подготовки и переподготовки медицинских кадров, а также от несоблюдения санитарно-гигиенических требований к строительству и эксплуатации больничных учреждений, медицинских аппаратов, лекарственных веществ и т. д. Между тем, ответственность за это должно нести государство, а не практикующий врач [9, с. 3].

Анализ современного состояния проблемы ятрогений показывает, что практически любое обращение к медицинскому работнику таит в себе риск потери здоровья, а иногда и жизни. Социальная значимость ятрогенных воздействий обусловлена тем, что они снижают качество жизни, нарушая тем самым неотъемлемые конституционные права граждан на жизнь и охрану здоровья. Следовательно, ятрогении вообще и врачебные ошибки, в частности, представляют собой глобальную системную проблему безопасности медицинской помощи, решение которой в значительной степени зависит от развития и совершенствования системы здравоохранения в целом.

Список литературы:

1. Белозеров Е.С. Медикаментозные осложнения. Алма-Ата, 1981. — 192 с.
2. Вуори Х.Б. Обеспечение качества медицинского обслуживания. Копенгаген, 1985. — 180 с.
3. Далецкий С.Я. Ятрогения в хирургии // Ятрогенные болезни и повреждения: Сб. науч. работ. Махачкала, 1991. — С. 14—18.
4. Калитиевский И.Ф., Докторова А.В., Дурново А.А. Попытка этиологической классификации ятрогений // Клиническая медицина. — 1979. — № 7. — С. 101.
5. Коваленко В.Л., Синицин П.Д., Малышев Ю.И. Теоретические и практические основы оформления диагноза ятрогенных болезней. Челябинск, 1985. — 108 с.
6. Красильников А.П., Кондрусев А.И. Проблема безопасности медицинской помощи // Актуальные проблемы экспериментальной и клинической медицины. Каунас, 1987. — С. 94.
7. Красильников А.П. Ятрогении и безопасность медицинской помощи. «Медицинские новости». Архив — № 4, — 1996. — С. 3.
8. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Класс 5. Психические расстройства и расстройства поведения. Десятый пересмотр. Женева: ВОЗ, — 1995. — Т. 1, — ч. 1. — С. 313—393.
9. Роуимер М.И. Медицинская этика и воспитание чувства ответственности перед обществом // Всемирный форум здравоохранения. Женева, — 1983. — № 4. — С. 3.
10. Черствой Е.Д., Никифоров Ю.Е. Структура ятрогенных заболеваний и их морфологическая характеристика по материалам патологоанатомических вскрытий в г. Минске // Неблагоприятные эффекты современных методов лечения. Мн., 1993. — С. 6.

**СОВРЕМЕННЫЙ ПРОЦЕСС ОКАЗАНИЯ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ БЕЗДОМНЫМ
ГРАЖДАНАМ В РАМКАХ СИСТЕМЫ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО
МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (СРАВНИТЕЛЬНО-
ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

Семенцул Сергей Владимирович

*магистр права, юрист центра ночного пребывания и социальной
адаптации лиц без определенного места жительства
„REÎNTOARCERE”,
Республика Молдова, г. Бельцы
E-mail: air-man14@mail.ru*

**A MODERN PROCESS OF DELIVERY OF HEALTH CARE
TO THE HOMELESS CITIZENS IN THE FRAMEWORK
OF THE COMPULSORY MEDICAL INSURANCE SYSTEM
WITHIN THE TERRITORY OF THE REPUBLIC
OF MOLDOVA (COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS)**

Sementsul Sergey

*master of law, lawyer The Center for hosting and social adaptation
of persons without shelter „REÎNTOARCERE”,
Moldova, Balti*

АННОТАЦИЯ

В медицинской практике характер правовой и социальной значимости системы Обязательного Медицинского Страхования породила правовую проблему с посягательством на приоритеты и ценности охраны здоровья натурализованных бездомных граждан. Само содержание проблемы Обязательного Медицинского Страхования в системе здравоохранения вытекает из сущности юридической политики государственного аппарата страны, которое сопряжено с острым проявлением в медицинской практике ограничения по предотвращению причинения вреда здоровью бездомным гражданам.

ABSTRACT

In the medical practice the nature of legal and social meaning of the Compulsory Medical Insurance system generated a legal issue with invasion of priorities and values of health protection of the naturalized homeless citizens. The content itself of the Compulsory Medical Insurance issue within the public health system follows from the matter of the juridical policy of the government machine of the country, which is associate with the sharp manifestation in the medical practice of the restriction concerning the prevention of health injury to the homeless citizens.

Ключевые слова: бездомные граждане; лица без гражданства; право на охрану здоровья; обязательное медицинское страхование; медицинская помощь.

Keywords: homeless citizens; persons without citizenship; right to health protection; compulsory medical insurance; medical health.

Медицина и право по охране здоровья человека в условиях рыночной экономики способствовало нынешнему существованию обязательного медицинского страхования (далее — ОМС), согласно ч. 4, ч. 4¹, ч. 5 ст. 7 Закон «Об охране здоровья» [1]. Такая специфика юридического воздействия служит ограничением доступа малообеспеченных граждан к минимальному уровню по оказанию бесплатной медицинской помощи, предусмотренного ч. 1 ст. 36 Конституции Республики Молдова [5]. Несмотря на это сложился правовой способ оказания медицинской помощи населению только через обязательное медицинское страхование, следовательно, превратившись в один из важных элементов успешного функционирования системы здравоохранения в стране. Это объясняется требованием государства от бездомных граждан предъявить «Полис» обязательного медицинского страхования при обращении их в медицинские государственные учреждения за оказанием медобслуживания. Логически данная иерархия ОМС отражает социальную структуру и материальные отношения, выраженные в процессе установленных противоправных нормативных актах, как форму правового воздействия на бездомных граждан. В конечном счете, характер правового регулирования в системе здравоохранения предопределяет метод оказания медицинской помощи бездомным гражданам, как лицам без гражданства, что составляет заложенную аномалию по созданию правового конфликта. Такой правовой конфликт в системе здравоохранения используется во властном предписании, не допуская отступлений складывающиеся на этой основе, как результат правовой проблемы

в разновидностях слагаемых аспектах правового поля медицинского обязательного страхования.

Появление множества разновидностей проблемы ОМС способствовало созданию противоправного субъективного фактора в системе юридически значимых отношений гражданско-правового регулирования между государством и бездомными гражданами на медицинском пространстве. Наряду с этим принципиальная особенность разновидностей слагаемых аспектов проблемы ОМС отражает отдельную степень неюридических процессов и явлений, которые способствуют влиянию на фактор ограничения бесплатной медицинской помощи бездомным гражданам. Влияние правовой среды ощутимо играет роль в отсутствии защиты интересов бездомных граждан на уровне Национальной компании медицинского страхования и ее территориальных (отраслевых) агентств, т. к. бездомные граждане сталкиваются с правовыми коллизиями, порожденными в стране и переходящими из поколения в поколения нарушения гражданских прав в медицинском пространстве. Природа, источники и динамика правонарушения интересов бездомных граждан обуславливается государственной стратегией страны по выстраиванию либеральных ценностей путем реформ в жизненно важных областях для европейской интеграции страны и благосостояния каждого гражданина [11]. Таким образом, на основе исследования значительного числа жизненных ситуаций бездомных граждан о правонарушениях в медицинской сфере, можно привести несколько примеров по разновидностям слагаемых аспектов проблемы медицинского обязательного страхования в следующем порядке:

1. **терминологический аспект проблемы** — это отсутствие разработанности правовой аналитической дефиниции (аналитического определения понятия) *бездомного гражданина* в юридической практике, что привело к усилению тенденции ошибочной интерпретации данного термина как *лица без гражданства* в системе обязательного медицинского страхования [2]. Подмена термина обладает специфической направленностью к нескольким действиям системы правоотношений одновременно направленной на существование и отсутствие социальной роли индивида в государстве [12], чем способствует сохранению стабильного процесса противоречивости правового положения натурализованных бездомных граждан на уровне медицины. Такая ошибка в терминологии позволяет государственному аппарату страны не учитывать и не относить бездомных граждан к категории неработающих лиц без места жительства, где страхователем в системе ОМС выступало

бы Правительство РМ. По этой причине влияние подмены юридического термина позволяет констатировать факт наличия отсутствия предопределенности назначения права по направлению его воздействия на общественные отношения с натурализованными бездомными гражданами в медицинской сфере. Основу все выше указанного характеризует несоблюдение государственной властью страны имеющихся потребностей и ресурсов, принимать необходимые меры, направленные на обеспечение в рамках своей юрисдикции равной для всех членов общества доступности медицинской помощи приемлемого качества, что нарушает ст. 3 Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине [6].

Тем самым правовое противоречие терминологии отражает общественный строй и экономическую структуру страны, что порождает конфликт признания натурализованных бездомных граждан, как субъектов правоотношений на уровне системы ОМС. Само свойство и метод терминоведения правовой подмены понятия бездомного гражданина вытесняет возможность существования юридического смысла данной категории социума в позитивном праве системы ОМС. Собственно, проблема правового аспекта терминоведения трактовки бездомного гражданина обуславливается свидетельством несомненной сложности соответствия требованиям к правилам законодательной техники, в которой отражается нарушение социально-правовой действительности через правовую природу аналогии законодательства, что привело к казусам на применение права в общественных отношениях.

2. политический аспект проблемы — отражает линейное развитие идеологии государственного аппарата страны по интегративному направлению к либерализму, создав непреодолимые трудности в получении бесплатной медицинской помощи натурализованным бездомным гражданам, с последующим усилением социальной напряженности, вызванных чудовищной несправедливостью распределения прав при получении «Полиса» обязательного медицинского страхования. Хотя, здоровье человека рассматривается государством в качестве частного блага, потребляемого (как здравоохранения) по рыночному или иному механизму распределения, которое защищается (физическую неприкосновенность) гражданским и уголовным правом [14, с. 361]. Оказавшись в подобном положении, политическая власть нашла для себя более легкий выход в харизматическом решении проблемы, на основе которой лежит специфика бюрократической технократии. Следовательно, отсюда

выступает процесс непосредственной природы интересов вертикальной иерархии и скрытые материальные цели определенных заинтересованных групп, которые включают административное и моральное руководство незастрахованных бездомных и малообеспеченных граждан в системе ОМС для получения ими бесплатной медицинской помощи. Ярким примером этого является нормативно-правовой акт, в котором указано, что в случае незастрахованных лиц за счет средств фондов обязательного медицинского страхования покрываются расходы на срочную медицинскую помощь на догоспитальном этапе, первичную медицинскую помощь, а также на специализированную амбулаторную и стационарную медицинскую помощь в части социально обусловленных заболеваний, существенно влияющих на общественное здоровье, согласно перечню, установленному Министерством здравоохранения: а) туберкулез; б) психозы и иные умственные и поведенческие отклонения в острой форме; в) алкоголизм и наркомания в случае необходимости оказания неотложной медицинской помощи; г) подтвержденные злокачественные заболевания крови и новообразования; д) ВИЧ/СПИД-инфекция и сифилис; е) острый вирусный гепатит А, ботулизм, менингит, вирусный, бактериальный и паразитарный менингоэнцефалит, пандемический грипп, ветряная оспа, корь, лептоспироз, малярия, брюшной тиф и паратиф, сыпной тиф, холера, столбняк, сибирская язва, бруцеллез, геморрагическая лихорадка, ку-лихорадка, эпидемический паротит, бешенство, трихинеллез, чума, иерсиниоз, туляремия, дифтерия [9]. На этом основании автору представляется целесообразно определить существование теоретических основ современной политико-правовой концепции государства, как феномен псевдохаризматического решения проблемы политической властью страны на оказание бесплатной медицинской помощи незастрахованным бездомным гражданам в системе ОМС для поддержания собственного физиологического здоровья.

На практике рассмотренная, технократическая легитимность в псевдохаризматическом решении проблемы по оказанию бесплатной медицинской помощи, выражается через процесс нарушения основополагающих международно-правовых документов в области прав человека, имеющие универсальный характер в мировой практике (конвенции, директивы, соглашения и др.). Одним из таких примеров нарушения данных международных договоров является ч. 2 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах [7], в котором указано, что не предусмотрено существующими законодательными или другими мерами, каждое участвующее в Пакте

Государство обязуется принять необходимые меры в соответствии со своими конституционными процедурами и положениями Пакта для принятия таких законодательных или других мер, которые могут оказаться необходимыми для осуществления прав, признаваемых в Пакте.

Опираясь на это можно также отметить характер образования дезинтегративного подхода политической власти к либеральным реформам в медицинской сфере. В тоже время дезинтегративный подход заметно усилил политическую отчужденность государственного аппарата страны от общества, которое способствовало появлению многообразия инструментов по допустимой пассивности охраны здоровья бездомных граждан, выражающегося в проблеме малоэффективности новых условий оказания медицинской помощи данной этно-категории социума.

3. Экономический аспект проблемы — выступает важнейшим составляющим в комплексе с общественно-политической природой и либерализацией медицины, направленной государством на внутреннюю конфронтацию двуединого качества оказания бесплатной медицинской помощи на уровне обязательного медицинского страхования, что привело к проблеме исключения бездомных граждан из системы здравоохранения. Важнейшим элементом экономического аспекта в либерализации медицины является выраженное отсутствие равноправия жителей страны для получения бесплатной медицинской помощи на базе ОМС, тем самым придав государству новый импульс в фактическом отрицании потенциальной роли бездомных граждан на фоне системы охраны здоровья человека. Несмотря на то, что нормативно-правовой акт должен опираться не только на фактические данные и интерпретации, но и на всеобъемлющие принципы эффективности, влияния на социальную структуру общества, административной простоты в условиях оперативного принятия решений [15, с. 22]. Такой процесс отражает стимул государства по ошибочному усилению развития тенденции экономической интеграции страны на мировом пространстве, тем самым создавая одну из проблем деградации цикличности в современной медицине на территории Республики Молдова.

Эта деградация цикличности современной медицины в стране подтверждается неурегулированностью отношений в предоставлении медобслуживания медицинскими учреждениями. В результате отсутствия юридических прав и обязанностей между бездомными гражданами, как пациентами и медицинскими работниками для обеспечения более упрощенной формы получения квалифи-

цированной бесплатной медицинской помощи. Одновременно с этим на национальном уровне проявилась негативная тенденция сращения неурегулированности нормативно-правовых актов и деградации цикличности современной медицины, породившие политическую экономию на едином качестве оказания медицинской помощи незастрахованным лицам, например таким, как бездомным гражданам. В результате чего существование глубоких диспропорций приобрели застойный характер негативного явления на уровне нормативно-правового процесса экономии финансовых средств по оказанию медицинской помощи бездомным гражданам, как незастрахованным лицам. Формально нормативно-правовой процесс экономии финансовых средств в области здравоохранения заложено простое товарное обращение, которое связано с функцией огромных барьеров для доступности бесплатной медицинской помощи, как средства прохождения медицинского обследования либо лечения [10]. К тому же, применение рыночных механизмов в медицинском процессе экономии финансовых средств характеризуется несбалансированностью обмена, которое осуществляется под действием значительного расширения сферы платных медицинских услуг на базе системы ОМС. Все это, в конечном счете, играет дестабилизирующую роль для бездомных граждан в существовании отсутствия доступности оплатить медицинскую помощь. Исходя из этого исследования отчетливо заметно государственной властью нарушение п. d) ст. 12 Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах [7].

Отсутствие спроса со стороны бездомных граждан является следствием экономического аспекта на базовом уровне ОМС, поскольку показывает взаимообусловленность неблагоприятных жизненных обстоятельств на фоне нестабильной социально-экономической ситуации данной этно-категории социума и одно из причин отсутствия развития системы здравоохранения в стране.

Несмотря на отсутствие возможности у натурализованных бездомных граждан, как лица без гражданства оплачивать предоставляемые медицинские услуги в рамках ОМС. Следовательно, бездомные граждане обязаны застраховаться в индивидуальном порядке на законодательной основе, с последующим внесением взносов уплачиваемые иностранцами, которые указаны в п.а)–f) ч. (1) ст. 2 Закона РМ «Об интеграции иностранцев в Республике Молдова» [3]. При этом натурализованные бездомные граждане, как лица без гражданства в начале каждого отчетного года входят в категорию плательщиков, где обязаны уплачивать в полном объеме

взнос ОМС, в виде фиксированной суммы в трехмесячный срок со дня вступления в силу нормативно-правового акта о фондах обязательного медицинского страхования на соответствующий год [4]. В этом случае следует отметить на законодательной основе страны еще одну противоположную тенденцию отсутствие развития системы здравоохранения, которая применяет штрафные санкции по неуплате в срок взносов ОМС, что влечет начисления пени в размере 0,1 процента суммы задолжности за каждый день просрочки. Следовательно, под влиянием этих процессов появились противоречия в современной системе охраны здоровья человека на базе ОМС, касаясь натурализованных бездомных граждан, что привело к сценарию углубления социального неравенства в обществе, тем самым обуславливая пагубное развитие цикличности современной медицины на территории страны.

4. **социальный аспект проблемы** — это процесс формирования сопряженности правового неравенства и ограничения оказания медицинской помощи в рамках системы ОМС, которые порождают проблему здоровья спроектированного этнического социума — лиц без гражданства (бездомных граждан) государством, что влечет за собой напряженность тенденции распада общества в целом как системы на застрахованных и незастрахованных лиц с социальной формой умаления прав на жизнь и здоровье человека. Этому способствует, государственная программа, направленная на рыночные отношения медицинских работников с пациентами [8], влияющая пагубно на физиологический организм натурализованных бездомных граждан, находящихся за чертой бедности, чем свидетельствует о проблеме несоответствия социальной природе права во всесторонней медицинской практики мирового уровня. Поэтому бездомный гражданин всегда пребывает в условиях социального неравенства на уровне медицины через систему ОМС, ориентированного государством к одной из причин безгранично правового деления статуса человека, как социально-экономической иерархии, в которой осуществляется расслоение людей по социальной структуре жизнедеятельности общества. Из-за чего наблюдается проблема низкого уровня доступности медицины для натурализованных бездомных граждан, что создает в государстве неадекватный правовой механизм защиты граждан через систему ОМС с формированием потенциала социальной формы сознательного умаления прав на жизнь и здоровье человека. Наряду с этим, описанная правовая ситуация характеризует противоречивое отношение государства к социальным правам бездомным гражданам, которое выражается в нарушении ч. 2

ст. 5 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах [7].

Естественно это показывает драматическую ситуацию места бездомных граждан в рамках системы ОМС, что касается удовлетворения потребностей всех жителей страны на базе медицинской сферы. Это делает невозможным придания импульса развития медицинского права, поскольку государство не переплетает государственные интересы господствующего класса с данной категорией социума. Между тем, данная проблематика способствует созданию неконструктивного правоотношения европейскому интеграционному процессу усиления развития тенденции правового и социального гуманизма в медицине на уровне системы ОМС между государством и спроектированным этническим социумом.

При этом проблема социального неравенства прав на жизнь и здоровье бездомных граждан срослась с современным политическим сознанием государственного аппарата страны, которая стала нерасторжима с нравственной формой оказания медицинской помощи в рамках системы ОМС. Объяснение этого кроется в том, что государство отказывает натурализованным бездомным гражданам на обладание правом в получении бесплатной медицинской помощи через систему ОМС, как гражданам страны, т. к. юридического понятия данной категории социума не существует в национальной законодательной базе. Хотя законодательный орган страны требует от них осуществления социальных функций (предоставление внутреннего удостоверения личности, регистрации по месту оказания помощи и «Полиса» ОМС) [13] для получения бесплатной медицинской помощи и реализации законной защиты правовых интересов частно-государственного партнерства.

За время псевдолиберальных реформ в медицинской сфере, проводимых на территории страны, возросло число социального неравенства среди национализированных бездомных граждан, как малопригодной рабочей силы, поскольку права человека являются только атрибутом гипотезы между государством и данным спроектированным этническим социумом. Было бы ошибочным полагать, что ограниченное оказание медицинской помощи в рамках ОМС и отсутствие социальной природы права, воздействуют на условия существования физиологического организма бездомных граждан, позволяющего индивиду по причине инвалидности и/или болезни трудиться, а значит вступать в различные правовые отношения общественной жизни. Такое противоречие социальной природы современной формы правления состоит в том, что бездомные граждане

полностью обречены на деградацию внутренних стимулов к труду по одной из причин умаления права на жизнь и здоровье человека. Именно пренебрежение государством выполнять социальные функции выражается сущностью неограниченной власти, позволяющей посягнуть на право каждого жителя страны, чтобы удовлетворить их жизненно необходимые потребности в получении медицинской помощи. По этой причине ущемляются частные интересы натурализованных бездомных граждан, выводя за рамки действующих мировых документов, общезначимые социальные закономерности, в основе которых лежат права и интересы каждого индивида на земном шаре.

Эти аспекты проблемы ОМС позволяют автору допустить концепцию о существовании самостоятельной роли теневого права в области медицины, развившегося на условиях относительной изоляции натурализованных бездомных граждан от общегосударственной программы законотворчества и экономической стратегии развития страны. В исследовании автор выдвигает данную правовую концепцию по причине кардинального вырисовывания проблемы столкновения интересов бездомных граждан и государственной власти согласно нормативно-правовым актам в области медицины на уровне системы ОМС. Кроме того, это носит оценочный общественно-негативный характер как единое русло экономического произвола со стороны частно-государственного партнерства, по большей части являясь серьезной опасностью существования отсутствия тенденции соблюдения общественных ценностей, с последующим образованием правового хаоса в медицинской сфере на основании системы ОМС, что стимулирует существование теневого права между бездомными гражданами и государством.

В ходе действий государственного аппарата страны в медицинской сфере на уровне системы ОМС наблюдается единодушный отказ от позитивного медицинского права, относящегося ко всем слоям общества, чем характеризуется одной из причин наступления периода правовой бифуркации (неравновесие правовых процессов, которые ведут к нарушениям внутрисистемных связей и снижению эффективности всей правовой системы). Подобное положение заставляет бездомных граждан находиться вне закона на уровне медицины в рамках системы ОМС, что констатирует факт существования теневого права, в котором выступает главенствующим элементом общественной жизни ценность права, а законодательная база рассматривается как способ применения морально-нравственных устоев современного демократического государства.

Суть теневого права в медицине на уровне ОМС представляет основу для осознания не только самого факта юридического существования бездомных граждан, но и для необходимости оказания бесплатной медицинской помощи данному спроектированному этническому социуму, как гражданам страны, а не лицам без гражданства. Поэтому теневое право в области медицины через систему ОМС выступает на государственном уровне в качестве своеобразного нравственно-правового посредника по осуществлению правовых интересов бездомных граждан.

Данная полярность проблематики медицины в рамках системы ОМС на государственной основе подтверждает одно из принципов существования самостоятельной и активной роли права, которое не отражено в нормативно-правовых актах страны.

Вместе с тем автор не отвергает огромного значения нормативно-правовых актов в оказании медицинской помощи, но отводит главенствующую роль права бездомным гражданам в устройстве справедливого законотворчества, выражающего одинаковую для всех субъектов меру государственной дозволенности.

Список литературы:

1. Закон РМ «Об охране здоровья» № 411-XIII от 28.03.1995 г. (Monitorul Oficial № 34, 22.06.1995 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
2. Закон РМ «Об обязательном медицинском страховании» № 1585 от 27.02.1998 г. (Monitorul Oficial № 38—39, 30.04.1998 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
3. Закон РМ «Об интеграции иностранцев в Республике Молдова» № 274 от 27.12.2011 г. (Monitorul Oficial № 48, 13.03.2012 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
4. Закон РМ «О размере, порядке и сроках уплаты взносов обязательного медицинского страхования» № 1593 от 26.12.2002 г. (Monitorul Oficial № 18—19, 08.02.2003 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
5. Конституция Республики Молдова принята 29.07.1994 г. (Monitorul Oficial № 1, 12.08.1994 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
6. Конвенцию о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, ратифицирована Законом РМ № 1256 от 19.07.2002 г. (Monitorul Oficial № 110, 01.08.2002 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lex.md> (01.02.2015 г.).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах, ратифицированный Постановлением Правительства РМ № 217-ХП от 28.07.1990 г. (Monitorul Oficial № 008, 30.08.1990 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lex.md> (01.02.2015 г.).
8. Постановление Правительства РМ «Об утверждении Единой программы обязательного медицинского страхования» № 1387 от 10.12.2007 г. (Monitorul Oficial № 198—202, 21.12.2007 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.justice.md> (10.02.2015 г.).
9. Приказ МЗ РМ «Об утверждении Методологических норм применения в 2013 году Единой программы обязательного медицинского страхования» № 1239/253 от 10.12.2012 г. (Monitorul Oficial № 273—279, 28.12.2012 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ms.gov.md> (10.02.2015 г.).
10. Приказ МЗ РМ «Об утверждении форм первичного медицинского учета и отчетов в рамках системы обязательного медицинского страхования» № 10/08 от 14.01.2013 г. (Monitorul Oficial № 49—55, 08.03.2013 г.) — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.ms.gov.md> (10.02.2015 г.).
11. Программа деятельности Правительства РМ «Европейская интеграция: Свобода, Демократия, Благополучие» 2013 г.—2014 г. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gov.md> (10.02.2015 г.).
12. Семенцул Сергей, Бездомные граждане, как лица без гражданства на территории Республики Молдова (сравнительно-правовой анализ) // *European Applied Sciences*, November, — № 11, — 2014 г., — с. 126—130.
13. Семенцул С.В. Проблема ограничения правовых интересов бездомных граждан при отсутствии регистрации по месту проживания и/или пребывания в Республике Молдова (сравнительно-правовой анализ) // *Молодой ученый*, — № 3(83), — 2015 г., — с. 697—708.
14. Thomas Pogge, Matthew Rimmer, Kim Rubenstein. *Incentives for Global Public Health*. Cambridge University Press, New York, 2010, — p. 536.
15. Lola Romanucci-Ross, Laurence Tancredi. *When Law and Medicine Meet: A Cultural View (International Library of Ethics, Law, and the New Medicine)*. Publisher: Springer, La Jolla, New York, 2008, — p. 194.

СЕКЦИЯ 10.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Степанова Альбина Афанасьевна

*канд. юрид. наук, доцент юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
РФ, г. Якутск*

Колесова Ньургуйаана Васильевна

*студент 3 курса юридического факультета
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова,
РФ, г. Якутск
E-mail: nurgu_kolesova@mail.ru*

THE LOCAL GOVERNMENT AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF LEGAL CULTURE

Stepanova Albina

*candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor of law faculty,
North-Eastern Federal University,
Russia, Yakutsk*

Kolesova Nurguyaana

*3-rd year student of law faculty, North-Eastern Federal University,
Russia, Yakutsk*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме повышения уровня правовой культуры. Местное самоуправление рассматривается в качестве одного из возможных путей разрешения данной проблемы. В связи с этим раскрывается взаимосвязь местного самоуправления и правовой культуры, выделяются основные проблемы, замедляющие процесс

развития как местного самоуправления, так и правовой культуры общества.

ABSTRACT

The article deals with the problem of increasing of legal culture. Local government is considered as one of the possible ways to solve the problem. In connection with this the article reveals correlation between local government and legal culture, highlight the main problems that decelerate the development of local government as well as the legal culture of society.

Ключевые слова: правовая культура; местное самоуправление.

Keywords: legal culture; local government.

Низкий уровень правовой культуры общества в демократическом государстве усложняет реализацию принципов демократии и правового государства, в связи с этим данная проблема является актуальной и требует своевременного разрешения.

Проблема низкой правовой культуры выражается в отсутствии у граждан четкого осознания своего правового статуса, предоставляющего права и свободы, своей значимости в осуществлении публичной власти.

Представляется, что одним из эффективных способов повышения уровня правовой культуры является местное самоуправление, которое выступает институтом, наиболее тесно взаимодействующим с населением. Это проявляется в том, что местное самоуправление имеет двойную природу: представляет собой одновременно институт гражданского общества и одну из форм осуществления публичной власти. Общественная природа местного самоуправления позволяет рассматривать его в качестве той основы, на которой формируется правовая культура.

Роль местного самоуправления в повышении уровня правовой культуры заключается в том, что, представляя собой форму осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [1], местное самоуправление создает такие условия, при которых публичная власть максимально приближается к населению. При таких условиях вероятность повышения уровня правовой культуры населения значительно увеличивается, поскольку граждане имеют возможность взаимодействовать с органами местного самоуправления. Взаимодействие же означает наличие обратной связи

между ними, которая выражается в том, что часть общественных дел, находящаяся в ведении органов местного самоуправления, сопряжена с постоянными контактами с населением (для решения многих вопросов местного значения учет мнения населения является обязательным, также граждане имеют право на обращения в органы местного самоуправления).

Местное самоуправление способствует развитию инициативности граждан, потому что механизмы выражения инициативы, применяемые в муниципально-правовых отношениях, являются более простыми по сравнению с конституционно-правовыми, что позволяет населению выражать свои идеи без особых затруднений.

Формы непосредственной демократии, применяемые для решения вопросов местного значения, также повышают уровень правовой культуры, поскольку обеспечивают реальное участие населения в решении вопросов местного значения (референдум, выборы, отзыв депутата, голосование, сход граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрание граждан, конференции, опросы граждан и обращения граждан в органы местного самоуправления). Чем больше граждане принимают участие в решении вопросов местного значения, тем больше у них вырабатывается и правосознание, и ответственность, которые имеют принципиальное значение для развития правовой культуры. Прививая гражданам ответственность за ведение общих дел, местное самоуправление способствует тому, что население становится активным и инициативным.

В осуществлении местного самоуправления задействована наиболее активная часть населения, которая также участвует в развитии и формировании правовой культуры.

Таким образом, для повышения правовой культуры населения прежде всего нужно развивать местное самоуправление как основу ее развития. Правовая культура, и местное самоуправление являются относительно новыми правовыми явлениями, возникшими лишь два десятилетия назад и претерпевающими на данный момент свое становление и укоренение. Каждый из рассматриваемых институтов имеет ряд проблем, от решения которых зависит их дальнейшее развитие. Наиболее существенная проблема, замедляющая процесс развития местного самоуправления, а наряду и процесс повышения правовой культуры населения, заключается в формах непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления.

Местное самоуправление как самый близкий к населению уровень публичной власти должно базироваться на формах

непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления, чего нет на практике. Это обусловлено тем, что отсутствуют условия для повсеместного использования форм непосредственной демократии и имеются проблемы при их реализации: со стороны органов местного самоуправления зачастую не ведется системная работа по информированию граждан о возможных формах народовластия, а также не организуются специальные семинары и тренинги, которые стимулировали бы появление граждан с активной позицией. Представляется, что определенный вклад в развитие форм непосредственной демократии внесет укрепление финансовых основ местного самоуправления. Это объясняется тем, что финансово обеспеченные органы местного самоуправления получают возможность реализовывать не только формы народовластия, но и различные программы поддержки народных инициатив.

Представляется, что решение этих проблем обеспечит эффективность местного самоуправления, что, в свою очередь, повысит уровень правовой культуры общества. Это обусловлено тем, что правовая культура в ее понимании как совокупности компонентов правосознания, правовой активности общества и отношении общества к праву имеет непосредственную связь с такими правовыми явлениями, как демократия и гражданское общество. Данная связь проявляется в их структурном взаимодействии: развитие одного института может обеспечить развитие другого.

В частности, местное самоуправление как институт гражданского общества и как уровень публичной власти, наиболее приближенный к населению, выступает в качестве «базы», на которой основывается развитие правовой культуры. Поэтому решение проблем местного самоуправления, в особенности, тех, которые связаны с механизмами реализации населением права на местное самоуправление, сыграет определенную роль в формировании общества с высокой правовой культурой.

Список литературы:

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс: в 2 т. / 3-е изд., стереотипное. М.: Юристъ, — 2010. — Т. 2 — 778 с.
2. Баулина Е.И. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22.

3. Конституция Российской Федерации. Принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ) // СЗ РФ, 2014, № 15, ст. 1691; 2014, № 9, ст. 851.
4. Кузнецова П.Ю. Местное самоуправление как институт гражданского общества: организационно-правовое регулирование // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, — 2012. — № 9 (23): в 2-х ч. — Ч. II. — С. 95—99.
5. Малько А.В. Теория государства и права: учебник М.: КНОРУС, 2009. — 400 с.
6. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов. М.: Норма, 2008 — 832 с.
7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// СЗ РФ, 2014, № 14, ст. 1562; № 22, ст. 2770.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Савченко Дмитрий Александрович

*канд. юрид. наук,
доцент Новосибирского государственного
университета экономики и управления,*

РФ, г. Новосибирск

E-mail: s-d-63@mail.ru

LEGAL MEANS OF PROTECTION OF SOCIAL RELATIONS

Dmitriy Savchenko

*PhD in Law, associate professor
Novosibirsk state University of Economics and management,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В работе рассмотрены понятие, признаки и виды правовых средств охраны общественных отношений. Показаны их отличия от соответствующих экономических, технических и иных средств.

ABSTRACT

The article considers the concept, characteristics and types of legal means to protect the social relations. Showing different from the relevant economic, technical and other means.

Ключевые слова: правовые средства; общественные отношения; предупреждение; принуждение.

Keywords: legal means; social relations; prevention; enforcement.

1. Содержанием общественных отношений являются складывающиеся между социальными субъектами взаимосвязи и взаимозависимости. Они проявляются в имеющихся у участников отношений возможностях по реализации их интересов. Субъекты стремятся к закреплению и развитию тех социальных связей, которые соответствуют их интересам. Для охраны общественных отношений ими используются разнообразные экономические, идеологические, военные, технические и иные средства. Среди них важная роль принадлежит правовым средствам охраны общественных отношений.

Как известно, средством называют то, что использует, применяет субъект для достижения цели и получения необходимого результата, в том числе путем преодоления имеющихся препятствий.

Средство представляет собой способ, инструмент достижения поставленной цели, решения определенных задач. Оно может быть используемо в своем исходном («природном») состоянии, а также может быть специально приспособлено для решения какой-либо конкретной задачи или определенного типа задач.

Таким образом, средство — это то, что создано или приспособлено субъектом (человеком) для достижения определенной цели.

2. Правовые средства охраны общественных отношений отличаются от соответствующих экономических, технических и иных средств.

Во-первых, правовое средство – это явление социальное. При этом, как и любое социальное явление, оно имеет организационный и психологический аспекты.

Организационная составляющая правового средства предполагает координацию поведения людей для достижения заданных целей.

Психологический аспект представляет собой соответствующее воздействие на сознание участников социальных связей, а также на их волю и эмоции.

Организационная и психологическая составляющая правовых средств тесно взаимосвязаны между собой и взаимно обусловлены.

Во-вторых, правовое средство — это такое средство, которое является элементом правовой системы, включающей правовые нормы в их взаимосвязи с правовым сознанием и юридической практикой. Это средство, обладающее особыми свойствами, обусловленными общими характеристиками правовой системы.

Способность правового средства обеспечить достижение поставленной цели связана с наличием определенных свойств — тех свойств, которые присущи именно праву. Это свойства нормативности, общеобязательности и гарантированности.

Кроме того, правовые средства тесно связаны с удовлетворением человеческой потребности в справедливости. Ведь право во многом воспринимается как публичная (публично-одобренная) справедливость. Будучи элементом правовой системы, правовое средство расценивается как правильное, социально приемлемое и признается справедливым.

Иными словами, правовое средство — это институциональное или процессуальное (процедурное) правовое явление — элемент правовой системы, используемое для решения определенных задач на основе идеи справедливости.

В-третьих, правовые средства — это разновидность социальных нормативных средств. Именно регулятивные возможности лежат в основе прикладных ценностных характеристик правовых средств. При этом их особенности вытекают из отличительных свойств правовых норм — общеобязательности, формальной определенности, гарантированности публичным властным авторитетом (государством) — развитие которых на определенном историческом этапе привело к относительному обособлению этой категории социальных регуляторов.

3. Правовые средства охраны общественных отношений образуют упорядоченную совокупность правовых явлений, используемых для решения соответствующих задач.

По своей сути любое правовое средство представляет собой основанную на конкретном правовом предписании взаимосвязь прав и обязанностей, то есть конкретное правоотношение. Именно через предоставление права и возложение обязанности правовое средство обеспечивает достижение поставленной цели.

При этом содержанием правового средства является урегулированное правом социальное поведение людей.

В правовых средствах может быть выделено фактическое и юридическое содержание.

Фактическое содержание правовых средств представляет собой поведение людей в его социальном (отношения с другими людьми) и психологическом (требование, признание, внутренне согласие) аспектах.

Юридическим содержанием правового средства является определенное обязательство.

Речь идет, прежде всего, об установлении обязательности определенного активного поведения. Кроме того, сюда относится установление запрета (обязанности пассивного поведения), в том числе запрета препятствовать управомоченному лицу в реализации его юридически гарантированных возможностей.

К правовым средствам можно относить как те, которые непосредственно связаны с государственным принуждением, так и те, которые с таким принуждением непосредственно не сопряжены.

В первом случае речь идет об основанном на правовых предписаниях применении возможностей входящего в механизм государства аппарата принуждения, в том числе армии и сил правопорядка.

Во втором случае государственное принуждение непосредственно не применяется. Здесь реализуются методы убеждения, основанные на обращении к идеям справедливости, соединенном с угрозой наступления неблагоприятных последствий, в том числе исходящей от высших сил.

Формой внешнего выражения (проявления) правовых средств (правовым средством в узком смысле слова) являются правовые акты (например, договор).

4. Охрана общественных отношений включает общее и специальное предупреждение возможных посягательств на эти отношения, а также защиту от тех посягательств, которые все же происходят.

Правовые средства охраны общественных отношений вообще — это средства реализации охранительной, статической функции права. Главную роль здесь играют запреты и обязывания.

Среди них могут быть выделены средства устранения уже возникшей для общественных отношений угрозы (например, меры пресечения), средства предупреждения возникновения таких угроз (например, режимные меры, а также наказания за совершенные

правонарушения), а также меры восстановления нарушенных отношений.

Средства охраны общественных отношений разделяются на те, которые связаны с использованием методов убеждения, и те, которые основаны на принуждении.

К первой группе относятся, в первую очередь, договорные (рациональные) средства. Они базируются на правилах поведения, установленных в результате соглашения субъектов о взаимных правах и обязанностях, и гарантированных угрозой лишений, которые субъекты соглашаются претерпеть в случае невыполнения принятых на себя обязательств.

Кроме того, к этой же группе можно отнести средства идеологического характера, в том числе и иррациональные средства (например, имеющую юридическое значение религиозную присягу) [1, с. 40].

Они применяются, прежде всего, как средства предупреждения посягательств.

Ко второй группе относятся война как правовой институт, то есть основанное на соответствующих законах и обычаях применение вооруженных сил для уничтожения или существенного ослабления противника. Сюда же можно отнести и карательные меры коллективного и индивидуального характера [2, с. 257].

Эти меры применяются, прежде всего, как средства защиты от посягательств на общественные отношения.

Список литературы:

1. Савченко Д.А. Правовое содержание крестоцеловальной записи 1613 г. // История государства и права. — 2013. — № 19. — С. 40—44.
2. Савченко Д.А. Правовые средства обеспечения внешней безопасности Северо-Западной Руси XIV—XV веков. // Национальная безопасность / nota bene. — 2014. — № 2. — С. 251—259.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРИНЦИПОВ ОБЪЕКТИВНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПРАВА

Штурцев Юрий Юрьевич

*старший преподаватель Крымского филиала ФГБОУВО
«Российский государственный университет правосудия»,
РФ, г. Симферополь
E-mail: shturcev@mail.ru*

CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF THE PRINCIPLES OF LAW

Shturtsev Yuriy

*senior lecturer of Crimean branch of Russian university of Justice,
Russia, Simferopol*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу понимания принципов объективного юридического права. Сформулировано уточненное понятие принципов права, которые определяются как форма выражения государственно-правовых закономерностей, что в полной мере раскрывает их природу.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis to understanding law principles. The concept of law principles are specified in the article, which are defined as a form of state legal regularities that fully reveals nature of law principles.

Ключевые слова: принципы объективного юридического права; государственно-правовые закономерности.

Keywords: principles of law; state legal regularities.

Право выполняет «управляющее» воздействие на общественные отношения, которое прежде всего осуществляется с помощью принципов права и юридических норм, закрепленных в формах международного и национального права [1, с. 6].

При этом принципы права играют ключевую роль, как в нормативно-правовом, так и в индивидуальном регулировании общественных отношений. Поэтому правильное понимание природы принципов

права позволяет повысить эффективность регулирования правом социальной жизни.

Часто в научной литературе принципы права рассматриваются как идеи или исходные положения [5, с. 151; 6, с. 186; 3, с. 22]. В этом случае в значение принципов права вкладывается субъективный смысл, т.к. идеи и какие-либо положения полностью зависят от субъекта, который осуществляет их формирование. В свою очередь это может привести к подмене принципов права лозунгами, произвольному манипулированию основополагающими началами в угоду политической целесообразности.

Другое понимание принципов права сводит их к способу выражения общественных закономерностей. В частности, Л.С. Явич указывает, что «принципы имеют объективное основание» и их «выдвигают» исторические условия [8, с. 141].

Для установления правильного понимания значения принципов следует прежде всего определить, что понимается под термином «право», который можно интерпретировать по-разному в зависимости от типа правопонимания и в субъективном или объективном значении.

Для того чтобы устранить какое-либо двусмысленное понимание права в данном тексте, его следует уточнить тем, что оно объективное, т.к. существует независимо от воли и желания участников конкретных общественных отношений и юридическое, т.к. создается и обеспечивается государством. Таким образом, объективное юридическое право — это система общеобязательных правил поведения, установленных или санкционированных и обеспеченных государством, с целью регулирования, охраны и защиты общественных отношений [7, с. 12].

Исходя из сформулированных теоретических предпосылок, можно определить, что принципы объективного юридического права — это форма выражения государственно-правовых закономерностей, обусловленных существованием и развитием общесоциального права, определяющих направленность и содержание правового регулирования.

После уточнения понятия принципов объективного юридического права необходимо более подробно остановиться на анализе их признаков, учитывая специфику сформированного понятия.

Во-первых, принципы объективного юридического права характеризуются тем, что являются формой выражения государственно-правовых закономерностей. Это означает то, что они отражают, и прежде всего, в сознании, а в дальнейшем непосредственно в международно-правовых актах и нормативных правовых актах

национального права, объективно существующие государственно-правовые закономерности. При этом принцип объективного юридического права рассматривается как форма, т. е. как то, что придает определенный вид, образ, выражает внешнее и внутреннее строение. Первоначальную форму они приобретают в сознании субъекта, который с помощью принципов выражает суть государственно-правовой закономерности, придает ей осознанный вид. Поэтому принципы права могут выводиться из смысла юридических норм, содержащихся в нормативных правовых и международно-правовых актах, а в некоторых случаях — из смысла групп общественных отношений, которые входят в сферу правового регулирования.

В последующем принципы объективного юридического права могут становиться частью форм права, закрепляясь в них в качестве нормативно-правовых предписаний-принципов. Следует отметить, что нормативно-правовые предписания понимаются как непосредственно выраженное в тексте нормативного правового акта высказывание, используемое для формирования юридической нормы и обеспечения её действия. Исходя из определения нормативно-правовых предписаний, можно выделить две основные их группы: нормоформирующие и обслуживающие. Предписания-принципы относятся к последним, но это несколько не умаляет значения и роли принципов объективного юридического права в его системе и юридической деятельности. В данном случае они являются проявлением одной из граней своего существования и воздействия на государственно-правовые явления. Это означает, что они являются скрепляющим «материалом» для обеспечения действия объективного юридического права, а также правильного понимания его отдельных юридических норм.

Во-вторых, государственно-правовые закономерности, которые выражаются в принципах объективного юридического права, обусловлены существованием и развитием общесоциального права.

Необходимо учитывать, что термин «право» понимается в позитивистском значении. С целью углубления научного исследования принципов права, использования достижений современной юридической науки и всестороннего анализа соответствующей проблемы становится необходимым введение понятия общесоциального права. Общесоциальное право — это определенные возможности участников общественных отношений, которые обусловлены существованием и развитием общества в конкретно-исторических условиях [4, с. 9].

Включая в изучение принципов права такой феномен как обще-социальное право, тем самым не допускается злоупотребление позитивистскими идеями и исследование приобретает направленность своего дальнейшего развертывания в рамках интегративного правопонимания. В свою очередь концепция интегративной юриспруденции позволяет воспользоваться такими теоретическими преимуществами как: объединение юридической формы и социального содержания права; преодоление ограничений естественной, позитивистской, социологической юриспруденции; обращение внимания на морально-ценностный аспект права [2, с. 112].

Таким образом, в принципах права отражаются не любые государственно-правовые закономерности, а только «положительные», т. е. те, которые приводят к полезному результату в процессе взаимодействия участников общественных отношений. Кроме того, определяя принципы права как форму выражения государственно-правовых закономерностей, обусловленных существованием и развитием общесоциального права, предопределяется то, что соответствующие закономерности должны прежде всего соотноситься с потребностями участников общественных отношений, а не с интересами государства, которое в определенных случаях может быть выразителем только узкого круга субъектов или даже отдельных лиц.

В-третьих, важным признаком принципов права является то, что они выражают государственно-правовые закономерности, которые определяют направленность и содержание правового регулирования. Это означает, что принципы права являются важным элементом правовой системы общества, детерминирующим многие другие правовые явления.

Принципы права создают направленность правового регулирования, т. е. они устанавливают главные, существенные координаты, на основе которых будет происходить дальнейшее развитие правового регулирования. Именно принципы права определяют те основные точки, соединяя которые можно увидеть «линию» («кривую»), по которой происходит процесс формирования, строительства права. В данном случае принципы права символизируют собой некий ориентир, позволяющий субъектам правотворчества, правореализации, правоприменения, правотолкования узнать в каком направлении им следует осуществить правовое воздействие и что должно образоваться в результате их действий.

Принципы права являются не только ориентиром развития системы права и осуществления юридической деятельности, они также определяют содержание правового регулирования, что выражается

в том, что они наполняют определенным смыслом саму систему права. Значение данной особенности заключается в том, что принципы права создают предпосылки для формирования тех или иных юридических норм, их реализации, применения, толкования. Таким образом, принципы объективного юридического права приобретают универсальный характер, так как позволяют при любых обстоятельствах осуществить правовое регулирование общественных отношений, которые могут быть урегулированы правом. В частности, принципы позволяют преодолевать пробелы в объективном юридическом праве, осуществлять точное и эффективное толкование юридических норм, качественно применять юридические нормы для тех или иных жизненных ситуаций, свободно и полноценно субъектам правоотношений удовлетворять свои потребности.

Отдельно необходимо обратить внимание на то, что принципы объективного юридического права не следует смешивать с другими юридическими понятиями, например, юридическими нормами и правотворческими презумпциями.

Юридическая норма имеет меньшую степень абстрактности, в то время как принципы объективного юридического права являются универсальными для его системы в целом или отдельных групп юридических норм. Юридические нормы представляют собой в сравнении с принципами права более конкретными требованиями к действиям, направленным на достижение результата, определенного принципами права.

Правотворческие презумпции — это предположения о достоверности определенных фактов. Они являются высказываниями, которые имеют вероятностный характер. Принципы права отражают объективные государственно-правовые закономерности, определяя то, что действительно существует и должно существовать при определенных условиях, обеспечиваемых, как правило, рядом юридических норм.

Часто в юридической литературе принципы права отождествляются с требованиями к юридической деятельности, что приводит к необоснованному и излишнему расширению значения данной категории. Это приводит к тому, что разные авторы называют принципами права всё подряд, без каких-либо ограничений, кроме как интуитивных. Данная проблема обуславливает необходимость дополнительно исследовать вопрос о показателях принципов объективного юридического права, которые будут определять какие правовые явления следует рассматривать именно как принципы права (это предмет для отдельного научного исследования).

Список литературы:

1. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений как парные категории // Российское правосудие. — 2013. — № 4 (84). — С. 4—24.
2. Луць Л.А. Загальна теорія держави та права: Навчально-методичний посібник (за кредитно-модульною системою). К.: Атіка, 2010. — 412 с.
3. Общая теория государства и права. Акад. курс: в 2-х т. / Под ред. М.М. Марченко. М., — 1998. — Т. 2. — С. 22.
4. Рабінович П.М. Основи загальної теорії права та держави. К.: Атіка. 2001. — 176 с.
5. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд. М.: Юристъ, 2003. — 776 с.
6. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учеб.для вузов. М.: Юристъ, 2003. — 395 с.
7. Шмелева Г.Г. Краткий русско-украинский и украинско-русский терминологический словарь: Теория государства и права. Симферополь: «Таврия», 2005. — 96 с.
8. Явич Л.С. Сущность права. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. — 207 с.

СЕКЦИЯ 11.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КОЛЛИЗИЯ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ АЗАРТНЫХ ИГР

Усынин Владислав Витальевич

*аспирант, кафедра уголовного права и криминологии,
Институт истории и права, ФГБОУ ВПО
«Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»,
РФ, Республика Хакасия, г. Абакан
E-mail: msosuskrh@mail.ru*

COLLISION OF LEGAL NORMS EXPLANATION GOVERNING GAMBLING BUSINESS

Vladislav Usinin

*post-graduate student, Criminal Law and Criminology Chair,
Institute of History and Law, of Federal State Budgetary
Educational Institution of Higher Professional Education
“Khakassia State University named after N.F. Katanov”,
Russia, Republic of Khakassia, Abakan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается коллизия толкования уголовно-правовой нормы - незаконные организация и проведение азартных игр.

ABSTRACT

The article deals with the collision of criminal and legal norm explanation – illegal organizations and gambling business.

Ключевые слова: азартные игры; законная и незаконная деятельность по организации и проведению азартных игр; лица; занимающиеся деятельностью по организации и проведению азартных игр; уголовно-правовой запрет азартных игр; коллизия, толкование, коллизия толкования.

Keywords: gambling games; legal and illegal activities on gambling industry; persons dealing in gambling industry; gambling penal prohibition; collision; explanation; explanation collision.

Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5] с 1 июля 2009 года на территории Российской Федерации введен запрет на деятельность по проведению азартных игр вне установленных законом специально отведенных мест — игорных зон. Ограничения по организации и проведению азартных игр в России были установлены в целях защиты нравственности, прав и законных интересов граждан.

Федеральным законом от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] была предусмотрена уголовная ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр, в связи с этим введена статья 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. После введения в действие уголовно-правового запрета незаконных организации и проведении азартных игр в России, данное уголовное установление оказало существенное влияние на воспрепятствование организации и проведение азартных игр. Однако, криминальный игорный бизнес полностью свое существование не прекратил и трансформировался в подпольные казино.

При рассмотрении статьи 171.2 УК РФ, предусматривающей уголовно-правовой запрет на организацию и проведение азартных игр, и изучении ее официальных комментариев можно обнаружить коллизию толкований.

Ю.А. Тихомиров в работе «Коллизионное право» [3], обосновывает необходимость формирования такой отрасли российского права, как коллизионное право, и акцентирует внимание на противоречиях в механизме публичной власти, в национальной системе права, на столкновениях норм иностранного и отечественного права. Таким образом, коллизии присущи всем отраслям права, как институциональному образованию различных государств на всех этапах их развития.

Коллизии норм права необходимо отличать от конкуренции норм права, где под первыми понимается несовершенство правового регулирования, обусловленное факторами правообразования, а под второй — необходимый способ связи норм права, характерный для любой системы права и существующий во всех отраслях права [1, с. 4].

Коллизия в уголовном праве определяется как отношение между двумя или более нормами права, двумя или более актами толкования права, а также между нормами права и актами толкования, возникающее при регулировании одного уголовно-правового отношения [2, с. 96].

Коллизии норм права (равной юридической силы) возникают, прежде всего, между законами, ведомственными нормативными правовыми актами и актами их легального толкования.

При рассмотрении самого термина «толкование», последнее интерпретируется как уяснение и разъяснение смысла уголовного правовой нормы. При этом выделяют, в том числе и казуальное толкование, которое осуществляется только компетентными органами — судами, по конкретному рассматриваемому уголовному делу.

В настоящее время суды при рассмотрении уголовных дел по незаконным организации и проведении азартных игр, привлекают к уголовной ответственности лиц, которые непосредственно осуществляют организацию игорного бизнеса. Данными лицами выступают организаторы игорных заведений для осуществления игровой деятельности, осуществляющие общее руководство между всеми участниками (работниками) игорного клуба, а также осуществляющие распределение денежных средств, полученных в результате преступной деятельности, принимающие решения, связанные с планированием и организацией преступной деятельности, кроме того организаторы дают указания, распределяют роли между участниками, контролируют исполнение данных им поручений, разрабатывают меры конспирации и защиты от разоблачения.

Кроме того, следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5] «проведение азартных игр» включает в себя деятельность по заключению различных сделок с участниками игр. Таким образом, деятельность управляющих лиц (старших менеджеров, менеджеров отделений игровых столов, игровых автоматов, электронных игр), главных бухгалтеров, бухгалтеров, в том числе и деятельность обслуживающего персонала, таких, как крупье, а именно дилеров в чьи обязанности входит заключения соглашения между участниками азартной игры, представляет собой деятельность по проведению азартных игр.

Однако, в настоящее время, практика судов складывается таким образом, что к уголовной ответственности привлекаются лица, которые непосредственно организуют игорный бизнес, а иные участники, такие как дилеры, которые непосредственно являются субъектами состава преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, поскольку осуществляют проведение азартных игр, остаются безнаказанными. Данный факт обуславливает различные негативные последствия, поскольку порождают невыполнение задач, прямо предусмотренных уголовным законодательством. Уголовный закон, являясь средством государственной реакции на факты противоправного поведения, охраняет права и свободы человека и гражданина, от различных преступных посягательств.

Таким образом, наблюдается прямое столкновение нормы уголовного права с казуальным толкованием судебными органами положения статьи 171.2 УК РФ, предусматривающую ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр.

Кроме того следует отметить, что в большинстве случаев, к деянию, которое порождает создание юридических коллизий нормотворческих субъектов, относится неопределенность содержания правовой нормы, которая влечет за собой противоречивое толкование, а в дальнейшем и ее применение. Проблема такой «коллизии» в настоящем случае заключается не в конструкции нормы, а в ее правильном толковании.

В настоящее время до сих пор не выработаны методы расследования преступлений рассматриваемой категории, а также единообразный подход к выявлению всех лиц совершивших преступление в сфере игорного бизнеса. В связи с этим органы, осуществляющие предварительное расследование, а в дальнейшем и суды не в полной мере реализуют свои полномочия как в области уголовно-правового воздействия через наказание к лицам, совершившим деяния, а также в процессе предупреждения совершения преступлений.

Представляется, что для разрешения данной коллизии, а также для обеспечения задач уголовного законодательства возникает необходимость в принятии акта-разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по определению состава преступления, субъективным и объективным признакам преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ. Данный акт будет представлять собой нормативное толкование уголовно-правового запрета организации и проведения незаконных азартных игр.

Список литературы:

1. Занина М.А. Коллизии норм права равной юридической силы (понятие, причины, виды): Монография, 2-е издание, перераб. и доп. «РАП», «Волтерс Клувер», 2010. — 65 с.
2. Козаченко И.Я. Уголовное право. Общая часть: Учеб. для вузов / И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. М., 1997. — 720 с.
3. Тихомиров Ю.А. Коллизионное право: Учеб. и научно-практическое пособие / Ю.А. Тихомиров. М., 2000. — 394 с.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ; в ред. от 22.12.2014 № 430-ФЗ // Российская газета — от 18.06.1996 № 113; от 24.12.2014 № 293.
5. Федеральный закон 29.12.2006 № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»: ред. от 22.07.2014 № 278-ФЗ // Российская газета — от 31.12.2006 № 297; от 30.07.2014 № 169.
6. Федеральный закон от 20.07.2011 № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 161, 26.07.2011.

СОСТОЯНИЕ БЕРЕМЕННОСТИ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА РЕГЛАМЕНТАЦИЮ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Дядюн Кристина Владимировна

канд. юрид. наук,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ВФ РГА,

РФ, г Владивосток

E-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru

PREGNANCY CONDITION AS THE FACTOR OF INFLUENCE ON THE CRIMINAL LIABILITY REGULATION, IN RUSSIA AND THE FOREIGN STATES

Dyadyun Kristina

*candidate of juridical sciences,
associate professor of department of criminal law VB RCA,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В данной статье проанализирован учет состояния беременности при установлении уголовной ответственности. Автор изучил законодательный подход различных государств в данной сфере в свете целесообразности соответствующих норм и возможности назначения справедливого и обоснованного наказания.

ABSTRACT

In given article the account of a condition of pregnancy at a criminal liability regulation is analyzed. The author has studied the legislative approach of the various states in the given sphere in the light of expediency of corresponding norms and possibility of appointment of fair and well-founded punishment.

Ключевые слова: состояние беременности; уголовная ответственность; наказание; убийство матерью новорожденного ребенка; незаконное производство аборта; необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное увольнение.

Keywords: condition of pregnancy; criminal liability; punishment; murder by mother of the newborn child; illegal manufacture of abortion; unreasonable refusal in reception for work / unreasonable dismissal.

В уголовном законодательстве большинства современных государств предусмотрен учет состояния беременности в качестве фактора, влияющего на пределы ответственности. Такой подход представляется вполне обоснованным исходя из необходимости особой защиты соответствующих интересов. В то же время несовершенства формулировок зачастую влекут сложности толкования и, как следствие, реализации конкретных законодательных положений. В результате цели и задачи, обусловившие включение соответствующих аспектов в уголовный закон, искажаются и могут приводить к диаметрально противоположным результатам.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет выявить следующие аспекты учета состояния беременности при регламентации ответственности:

- В качестве квалифицирующего признака ряда составов;
- Как привилегирующий признак (убийство матерью новорожденного ребенка);
- В качестве признака потерпевшего лица (незаконное производство аборта);
- Как критерий необоснованного увольнения/отказа в приеме на работу.

Вначале целесообразно рассмотреть вопрос о регламентации ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка. Привилегированность данного состава обусловлена именно учетом влияния беременности на психоэмоциональное состояние женщины. Тем не менее, законодательный подход к регулированию данного вопроса в различных странах индивидуализирован. Представляется, диспозиция соответствующей нормы должна содержать акцент именно на взаимовлиянии психофизиологического состояния женщины, обусловленного процессами беременности, родов и совершения данного преступления. Только при таком подходе возможно обеспечение целей и задач создания подобной нормы и смягчения ответственности. Тем не менее, означенная конкретизация признаков присутствует далеко не во всех уголовных кодексах, что на практике может привести к необоснованному смягчению наказания. Обозначенный критерий в СНГ присутствует только в УК Таджикистана, Беларуси и Молдовы. Во многих уголовных кодексах стран СНГ подчеркивается критерий убийства матерью *своего* новорожденного ребенка (Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Азербайджан, Украина, Узбекистан) [1]. Такой подход с одной стороны упрощает содержание вопроса относительно субъекта данного преступления, с другой – усложняет его, например, в случаях совершения рассматриваемого преступления суррогатной матерью при наличии соответствующих признаков объективной стороны состава. В отдельных кодексах присутствует и оригинальный подход к названию данного преступления. Например, в УК Республики Молдова рассматриваемое общественно опасное деяние обозначено как «детоубийство» [1]. Такой подход представляется не совсем верным, поскольку любое убийство новорожденного ребенка есть детоубийство, но не наоборот.

Особое психофизиологическое состояние женщины как критерий смягчения наказания предусмотрен в УК Латвии и Литвы. УК Эстонии и Болгарии не акцентирует внимание на означенном факторе,

что чревато необоснованным смягчением ответственности. Ряд государств особо подчеркивает обусловленность рассматриваемого преступления соответствующими психоэмоциональными отклонениями как основание привилегированности конкретного состава (Дания, Швеция, Польша, Израиль). В некоторых странах означенные факторы не рассматриваются в качестве привилегизирующего обстоятельства (ФРГ, Испания, Япония, КНР). В США подобное деяние вообще расценивается как преступление с отягчающими обстоятельствами [3].

Смягчение ответственности за рассматриваемое преступное деяние обоснованно и целесообразно только в случае его обусловленности особым психофизиологическим состоянием женщины, что требует соответствующего закрепления в конкретной уголовно-правовой норме во избежание проблем толкования и правоприменения. В иных случаях подобные деяния следует расценивать как совершенные при наличии отягчающих обстоятельств.

Следующим важным вопросом является регламентация ответственности за незаконное проведение искусственного прерывания беременности. Следует отметить, что наименее адекватна в этом плане позиция российского законодателя, согласно которой единственным криминообразующим признаком данного общественно опасного деяния выступает отсутствие у субъекта высшего медицинского образования соответствующего профиля. Такой подход не учитывает ни требования соответствующих медицинских актов, ни практические аспекты данного преступного деяния, ни требования основополагающих принципов уголовного законодательства. Кроме того, во всех уголовных кодексах стран СНГ более обоснованно регламентированы признаки рассматриваемого преступления. В большинстве случаев дифференцирована ответственность с учетом признаков субъекта (Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Армения) [1]. В УК Молдовы закреплены критерии незаконности аборта, основанные на требованиях медицинского законодательства. Уголовное законодательство Латвии и Литвы также достаточно последовательно и адекватно регламентирует ответственность за рассматриваемое преступное деяние: в качестве криминообразующих признаков устанавливается производство аборта вне специализированного медицинского учреждения, при наличии противопоказаний. Отягчающими признаками являются: отсутствие согласия женщины, отсутствие соответствующих правомочий у субъекта, производство операции в антисанитарных условиях, наступление тяжких последствий [1].

УК КНР и Японии в качестве криминообразующих признаков криминального аборта закрепляют самовольное производство данной операции, отсутствие у субъекта надлежащей квалификации [3].

Позиция законодателя скандинавских стран в этом вопросе весьма лояльна. Например, УК Швеции вообще не предусматривает ответственности за незаконный аборт. УК Дании регламентирует наказание за неоказание помощи беременной женщине для отца/родственников ребенка. УК Норвегии к криминообразующим признакам анализируемого состава относит отсутствие законных оснований/разрешения. Обстоятельствами, отягчающими ответственность, являются: повторность деяния; цель получения выгоды; отсутствие согласия женщины и ее смерть в результате произведенной операции [3].

В большинстве европейских государств при регламентации ответственности за незаконное производство аборта также учитываются медицинские аспекты незаконности данной операции: срок беременности; ненадлежащие условия проведения операции; опасность для здоровья женщины; производство аборта вне надлежащего медицинского учреждения (Австрия, Бельгия, Болгария, Голландия, Польша Франция) [3].

Разумеется, уголовно-правовой подход в данном вопросе обусловлен общей политикой государства. В этом смысле все государства можно разделить на три группы:

- полное запрещение аборта (Афганистан, Ангола, Бангладеш, Венесуэлла, Египет, Индонезия, Ирак, Иран, Колумбия);
- разрешение аборт по специальным показаниям (Алжир, Англия, Аргентина, Израиль, Индия, Испания, Португалия, Мексика, Польша, Финляндия, Япония);
- свобода аборта (СНГ, Австралия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германия, Италия, Канада, Франция, Швеция).

Следует отметить, что в регулировании данного вопроса необходимо учитывать традиции страны и менталитет граждан, однако, как показывает практика, полный запрет искусственного прерывания беременности влечет негативные последствия: увеличение числа криминальных аборт, высокую смертность, убийства матерью новорожденного ребенка. Более обоснованным и целесообразным представляется надлежащее правовое регулирование производства данной операции и установление адекватного наказания за нарушение установленных правил. При этом, учитывая специфику вопроса, при регламентации уголовной ответственности следует исходить из медицинских критериев и практики.

Следующий специальный состав, учитывающий состояние беременности, — необоснованный отказ в приеме на работу/необоснованное увольнение по соответствующему основанию. Отдельная ответственность за указанное преступное деяние установлена в пяти из десяти странах СНГ (РФ, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызия, Армения) [1]. Ряд государств вообще не рассматривает дискриминацию в трудовой сфере как уголовно-наказуемое деяние (Израиль, Швеция). В уголовном законодательстве большинства стран в настоящее время регламентируется ответственность за общее нарушение трудовых прав без конкретизации личностных критериев (Грузия, Испания, Болгария, Польша) [3].

Представляется, что наличие в уголовном кодексе специальной нормы, обусловленной необходимостью особой защиты материнства и детства, — позитивный фактор, при условии адекватной регламентации криминообразующих признаков и установления соответствующей санкции. Например, действующий УК РФ в указанных аспектах несовершенен: некорректная формулировка диспозиции затрудняет применение соответствующей нормы, а санкция закрепляет более лояльный подход относительно общей нормы о дискриминации в сфере трудовых отношений.

Суммируя вышеизложенное, следует подчеркнуть, что специальная регламентация деяний, причиняющих вред означенным интересам, должна учитывать и обоснованно отображать специальные критерии во избежание правоприменительных сложностей. При таком подходе возможна последовательная реализация и адекватная защита соответствующих интересов, гармонично сочетающаяся с назначением справедливого и обоснованного наказания.

Список литературы:

1. Уголовное законодательство стран СНГ// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.online.zakon.kz/continent/ (Дата обращения: 10.10.2014).
2. Уголовный кодекс РФ. М., 2014. — 224 с.
3. Уголовное право зарубежных стран. М., 2008. — 352 с.

ЛИЧНОСТЬ РЕЦИДИВИСТА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ XX ВЕКА

Меликов Эльнур Мамедагаевич

*аспирант, Российская академия правосудия, помощник судьи,
Октябрьский районный суд г. Новосибирска,
РФ, г. Новосибирск
E-mail: msergnsk@rambler.ru*

THE IDENTITY OF THE RECIDIVIST IN CRIMINOLOGICAL THEORY OF THE TWENTIETH CENTURY

Melikov Elnur

*graduate student, Russian Academy of Justice,
Assistant judge, the Oktyabrsky district court of Novosibirsk,
Russia, Novosibirsk*

АННОТАЦИЯ

В статье дано понятие личности преступника, личности рецидивиста в отечественной криминологической теории XX века. Приведены точки зрения различных ученых. Освещена история учета личности преступника при назначении наказания.

ABSTRACT

In the article the concept of offender, recidivist personality in national criminological theories of the 20th century. Shows the point of view of different scientists. Illuminated history of records of offender when sentencing.

Ключевые слова: уголовное право; личность преступника, учет личности при назначении наказания.

Keywords: criminal law; identity of the offender, account when sentencing the person.

Механизм преступного поведения неотделим от лица, совершающего преступление, его потребностей и допускаемых путей их удовлетворения, личностных качеств, которые находят свое воплощение в совершенном деянии.

Анализируя человеческую природу, С.В. Познышев отмечал: «Жизнь отдельной личности протекает в рамках известных объективных условий, в связи с которыми и в соответствии с ее характером у нее вырабатывается круг определенных общих целей и способов их достижения, и из этого слагается главное содержание ее жизни. ... По самой природе своей человек стремится к удовольствиям и избегает страданий» [6, с. 25—26]. Однако реализация этих устремлений осуществляется как криминальным, так и некриминальным способом. «Преступный тип представляет собой такого рода психическую конституцию, при которой личность развивается и получает осуществление стремление к известному преступлению при таких обстоятельствах, при которых у громадного большинства людей такого стремления не возникает, или, по крайней мере, последнее не получает достаточного для его осуществления развития» [6, с. 28].

При определении меры наказания уже в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года» и в УК РСФСР 1922 года предписывалось изучать, наряду с иными существенными обстоятельствами, «личность преступника, поскольку таковая выяснялась в учиненном им преступлении и его мотивах и поскольку возможно уяснить ее на основании его образа жизни и прошлого» [8, с. 181], более того, большая часть отягчающих и смягчающих обстоятельств характеризовала степень опасности именно личности преступника.

При анализе рецидивной преступности отмечалось: «Преступника–рецидивиста характеризует повышенная степень общественной опасности его личности. Это находит свое выражение в самом факте повторного совершения таким лицом преступления вопреки примененным к нему ранее мерам исправительно-трудового воздействия. При изучении личности рецидивиста могут быть обнаружены такие его качества, которые в сочетании с отрицательно влияющими на него внешними факторами и в результате сознательного решения, принятого рецидивистом, приводят его к совершению преступления. В то же время индивидуальные свойства преступника могут способствовать или препятствовать совершению им преступления, но не могут фатально обрекать на это» [3, с. 314].

Таким образом, личность преступника на заре отечественной криминологии была объектом научного интереса криминологов того времени, однако изучалась лишь как «часть анализа преступности».

В то время личность преступника изучалась с целью научного обоснования деятельности, направленной на предупреждение преступности. «Цель изучения личности рецидивистов — составление

их социальной и психологической характеристики и поиски средств их исправления» [3, с. 7].

Ситуация изменилась в 70-е годы прошлого века, когда личность преступника была включена в предмет криминологии.

«Советская криминология — марксистская наука о преступности, ее состоянии, структуре, динамике, о причинах преступности и условиях, ей способствующих, о личности преступника и о путях и средствах предупреждения преступлений в социалистическом обществе» [4, с. 6]. Преступление — это акт сознательного поведения конкретного человека, поэтому без учета социальных признаков, характеризующих этого человека, без анализа их нравственно-психологических свойств, влияющих на поведение, невозможно понять причины преступления и преступности в целом [4, с. 8].

«Под личностью преступника понималась совокупность социальных и социально значимых свойств, признаков, связей, отношений, характеризующих лицо, виновно нарушающее уголовный закон и в сочетании с иными условиями и обстоятельствами влияющих на его антиобщественное поведение» [4, с. 150].

В.Д. Филимонов отмечал: «Понятие личности преступника по сравнению с понятием личности в целом носит частный характер и служит для отделения личности преступника от личности других людей. От личности законопослушных граждан личность преступника отличается свойствами, породившими преступное поведение, от личности других преступников — во-первых, особенностями этих свойств, во-вторых, другими свойствами личности, не имеющими криминогенного значения» [7, с. 28].

Указывая на повышенную общественную опасность личности, совершающей преступление после уголовного осуждения, В.Д. Филимонов отмечал, что «...общественная опасность лица, повторно совершившего преступление, приобретает качественное отличие в тех случаях, когда второе преступление совершено после осуждения за первое. Антиобщественные свойства личности здесь оказываются более устойчивыми и зачастую требуют для искоренения особых мер» [7, с. 33].

В.П. Малков, анализируя рецидивную преступность, приводит и обобщает результаты исследований повторно совершенных преступлений, которые имели место в конце 60-х годов прошлого века. Ссылаясь на данные, полученные В.Н. Рошиным и М.П. Лашиным, он так же отмечает, что среди воров, подвергшихся изучению, 75 % ранее совершали кражи [5, с. 93].

Указанная особенность рецидивной преступности, отмеченная криминологами еще в середине XX века, присуща этому виду преступности и в современной России. «По данным статистики только с 2005 по 2009 г. количество лиц, совершивших повторные преступления, возросло более чем на 60 %, а число уголовных посягательств со стороны рецидивистов — на 95 %» [2, с. 25].

Автор, анализируя первые советские уголовно-правовые нормативные акты, отмечает, что в соответствии со ст. 45 УК РСФСР 1926 года суд должен был при назначении наказания руководствоваться «своим социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление».

Личность преступника в период действия этих нормативно-правовых актов изучалась только в рамках уголовного права при назначении наказания.

Изучение личности преступников криминологами не отвергалось, но личность преступника рассматривалась не как самостоятельная категория и не входила в предмет изучения науки криминологии, а являлась факультативной, изучалась в процессе анализа преступности, в том числе и рецидивной, исключительно для выработки мер, направленных на ее предупреждение. Личность преступника включена в предмет криминологии лишь в 70-е годы прошлого века. Криминологи второй половины XX века, изучая личность преступника, разграничивая присущие ей свойства и качества и свойства и качества личности законопослушного человека, не особенно расходились во мнении.

Статья 60 УК РФ, определяя общие начала назначения наказания, содержит указание на то, что при назначении наказания особенности личности виновного учитываются, наравне с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления. Таким образом, в содержание понятия «личность виновного» входят не только обязательные признаки, относящиеся к субъекту преступления, но и другие признаки личности виновного, характеризующие его как гражданина государства, члена общества, представителя определенной социальной группы, общественной организации, члена семьи, трудового коллектива и т. д. Поэтому суд при назначении наказания должен исследовать данные, характеризующие личность виновного, его поведение, социальные связи и образ жизни до совершения преступления и учитывать индивидуальные особенности личности.

Качественная характеристика общественной опасности криминогенной личности — способность к совершению преступлений; личность преступника — личность человека, совершившего преступление. Личность преступника отличается от личности не преступника наличием таких нравственно-психологических качеств, составляющих содержание общественной опасности, которые во взаимодействии с обстоятельствами внешней среды детерминируют преступление.

Криминогенная личность — объект профилактической деятельности специально уполномоченных на то органов, личность преступника — объект уголовно-правового воздействия, профилактическое значение которого заключается в назначении наиболее эффективного, необходимого и достаточного наказания для максимального достижения его целей и организации исправительного воздействия для предотвращения рецидива.

Внимание законодателя должно быть обращено на личностные качества преступника, свидетельствующие либо о его неисправимости или, наоборот, об отсутствии злостности, но совершении преступлений под воздействием ситуации, которой он не мог противостоять по определенным причинам.

В связи с чем, в целях полного учета особенностей личности преступника, а не формального учета совершенных им преступлений предлагается ч. 3 ст. 60 УК РФ изложить в следующей редакции:

«При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, склонность к совершению преступлений, мотивы и цели преступления, роль виновного, его поведение во время или после совершения преступления, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи».

Список литературы:

1. Бышевский Ю.В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание за кражи: Монография. Омск: Омская Академия МВД России, 2008. — С. 146.
2. Косарева Л.В., Косарев В.Н. Рецидивная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учебное пособие. Волгоград, 2010. — С. 56.
3. Криминология: Учебник /изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1968. — С. 472.

4. Криминология: Учебник /изд. 3-е, испр. и доп. М.: Юридическая литература, 1976. — С. 439.
5. Малков В.П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань: издательство Казанского университета, 1982. — С. 173.
6. Познышев С.В. Криминальная психология. Преступные типы. М.: Госиздат, 1926. — С. 255.
7. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск: издательство Томского университета, 1970. — С. 277.
8. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Издательство Высшая школа, 1970. — С. 202.

**ПРАВОВОЙ СТАТУС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОБВИНЯЕМЫХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ С ОТЕЧЕСТВЕННЫМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ**

Терегулова Алсу Илдусовна

аспирант 4-года обучения Институт Права БашГУ,

РФ, г. Уфа

E-mail: augustish@ya.ru

**LEGAL STATUS OF JUVENILE DEFENDANTS
IN GERMAN LAW: COMPARATIVE ANALYSIS
OF NATIONAL LEGISLATION**

Teregulova Alsu

PhD Student of Institute of Law of Bashkir State University

Russia, Ufa

АННОТАЦИЯ

В данной статье автором раскрыт вопрос обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних по законодательству Германии. Автором проведен сравнительный анализ законодательства России и Германии.

ABSTRACT

In this article the author discloses the issue of the rights and legitimate interests of minors under the laws of Germany. The author carried out a comparative analysis of the legislation of Russia and Germany.

Ключевые слова: несовершеннолетний обвиняемый; правосудие в отношении несовершеннолетних делинквентов; уголовно-процессуальное право; «диверсия».

Keywords: juvenile defendant; juvenile justice; criminal procedure; diversion.

В рамках сравнительного анализа системы правосудия в отношении несовершеннолетних для нас представляет особый интерес развитие уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних делинквентов в Германии. Данный интерес обусловлен исторической общностью, близостью правовых принципов регулирования, принадлежностью немецкого и российского права к одной правовой семье, а также низким уровнем преступности среди несовершеннолетних в Германии.

В Германии на протяжении более столетия существует в структуре уголовного и уголовно-процессуального законодательства самостоятельная отрасль — уголовное право несовершеннолетних. В 1922 году был опубликован Закон о социальном благополучии несовершеннолетних (*Jugendwohlfahrtsgesetz*), в 1923 году — Закон об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних (*Jugendgerichtsgesetz*), посвященный регулированию вопросов об уголовной ответственности несовершеннолетних, особенностях уголовно-процессуального производства по делам несовершеннолетних, функционированию ювенальных судов. В начале 50-х годов на фоне проходившей в Германии реформы всего уголовного права был разработан совершенно новый документ — Закон о судах для несовершеннолетних от 4 августа 1953 года. Именно он по сей день является основным источником правового регулирования в рассматриваемой области [1, с. 15].

Проведенный исторический анализ отечественного законодательства показывает, что становление правового статуса несовершеннолетнего делинквента было скачкообразно: постоянно меняющееся законодательство, резкий переход от «мягкой» уголовно-правовой политики, направленной на защиту прав несовершеннолетнего к карательной политике в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, и наоборот. В настоящее время обеспечение прав

и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого и подозреваемого является приоритетной задачей Российского государства. Однако приходится констатировать, что нормы, касающиеся вопросов обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних, преступивших закон, расположены в различных нормативно-правовых актах: Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В связи с этим представляется важным принять на законодательном уровне единый комплексный нормативно-правовой акт, касающийся несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом.

В Германии деликтоспособными несовершеннолетними признаются лица с 14 до 18 лет (Jugendliche). Кроме того, ювенальное правосудие может распространяться на молодых людей, совершивших преступление в возрасте с 18 до 21 лет (Heranwachsende). Согласно данным статистики около 60 % дел молодых людей в возрасте от 18 до 21 года рассматривается в рамках ювенальной юстиции [6, с. 64].

Согласно отечественному законодательству в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить нормы, касающиеся несовершеннолетних, к лицам, совершившим преступления в возрасте от 18 до 20 лет (ст. 96 УК РФ). К сожалению, на практике данная норма не нашла своего реального применения. Вследствие этого, по нашему мнению, целесообразным является установление в российском законодательстве определенных критериев применения норм главы 50 УПК РФ к 18—20 летним молодым людям в случае совершения ими преступлений, типичных для несовершеннолетних, по примеру Германии.

Расширение возможностей отказа от уголовного преследования в отношении несовершеннолетних, известная в мире как «диверсия», стало в Германии одним из самых значительных направлений реформ в уголовной политике последних десятилетий. В среднем, практически 70 % уголовных дел в отношении молодых преступников завершаются «заменой уголовной ответственности альтернативными видами исправительного воздействия» [5, с. 14]. При совершении преступления небольшой тяжести несовершеннолетним расследование обычно проводится неформально и без применения судебных мер, обычно это реституция (заглаживание причиненного ущерба), принесение извинений потерпевшему. В Германии полномочием на «диверсию» обладает прокурор. Данная внесудебная мера наказания — это практический пример быстрого реагирования на преступление

в системе правосудия по делам несовершеннолетних, преступивших закон.

Согласно проведенному нами исследованию 250 уголовных дел, в России широко распространена иная практика: практика доведения уголовного дела до суда. Считаем необходимым распространение практики применения отказа от уголовного преследования, поскольку это может способствовать, во-первых, сокращению рецидива преступлений среди несовершеннолетних, во-вторых, ускорению уголовного процесса, в-третьих, «разгрузки» органов юстиции, освобождению их от рассмотрения дел о малозначительных правонарушениях. Кроме того, данная практика отвечает вопросам обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего.

Заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть использовано лишь в исключительных случаях. В любом случае должен ставиться вопрос о возможности передачи ребенка, совершившего противоправное деяние, под патронаж (foster care). О применении такой меры пресечения как заключение под стражу должны быть уведомлены сотрудники Служба молодежной судебной помощи.

Примечательно, что в соответствии с немецким законодательством, в процессе расследования уголовного дела в отношении несовершеннолетнего значительная роль отведена Службе молодежной судебной помощи (Jugendgerichtshilfe). По мнению ряда авторов, данный орган выполняет две основных функции: судебную помощь и помощь молодежи. А.Н. Попов, напротив, считает, что в уголовном судопроизводстве в отношении несовершеннолетних Служба представляет «орган процессуальной помощи собственного вида», он не является ни помощницей учреждений юстиции, ни службой защиты (профессиональных адвокатов) подростков и молодых людей совершеннолетнего возраста [2, с. 19]. Сотрудники службы — это государственные служащие и дипломированные социальные работники. Их работа состоит в том, чтобы собрать полную информацию об обстоятельствах противоправного деяния и о жизни несовершеннолетнего. Для достижения данной цели они могут проводить беседы с самим несовершеннолетним, его законными представителями, учителями и пр. Очевидно, что в рамках российского уголовно-процессуального законодательства необходимо создать такую службу путем реформирования существующей Комиссии по делам несовершеннолетних, наделив его аналогичными функциями собирания информации о личности несовершеннолетнего на этапе

предварительного расследования и контроля за обеспечением прав и законных интересов на досудебной стадии.

Следует отметить, что в Германии достаточно строгие требования предъявляются как к сотрудникам служб, комиссий и других органов по делам несовершеннолетних, работникам полиции, т.е. ко всем лицам, которые в той или иной степени причастны к решению вопросов о несовершеннолетних [3, с. 66]. Думается, что в рамках российского законодательства также необходимо ввести обязательную специализацию лиц, осуществляющих его применение в отношении несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом (следователей, прокуроров, судей, защитников).

По законодательству Германии участие защитника по делам несовершеннолетних не является обязательным, поскольку в научных кругах широко распространено мнение, что специализация правоохранительных органов, социальных служб компенсирует участие адвоката. Вместе с тем, несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому должны быть разъяснены его права, в том числе в совершении какого преступления он подозревается, право не отвечать на вопросы и право на помощь адвоката. Кроме того, в Германии существует Федеральная ассоциация адвокатов, обеспечивающая бесплатную или льготную юридическую помощь малоимущим [4, с. 16].

Подводя итоги, необходимо отметить, что уголовно-процессуальное право Германии и России в области осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних и обеспечения прав и законных интересов молодых людей, совершивших противоправное деяние, имеют много общего. В то же время сравнительный анализ отечественного и германского законодательства демонстрирует нам, что в современную эпоху становления ювенальной юстиции в России и приоритетных задач обеспечения прав несовершеннолетних отечественное законодательство нуждается в рецепции положительного опыта Германии.

Список литературы:

1. Пергатая А.А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Пергатая А.А. Красноярск, 1999. — 180 с.
2. Попов А.Н. Особенности предварительного расследования по делам о преступлениях несовершеннолетних. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Попов А.Н. Красноярск, 2001. — 254 с.
3. Соколов А., Предеина И. Ювенальное уголовное судопроизводство Германии// Российская юстиция — 2004. — № 3 — С. 66—68.

4. Уголовный процесс западных государств / Головки Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А.; Под ред.: Гуценко К.Ф. М.: Зерцало М, 2001. — 480 с.
5. Viehmann, Horst Strategies of Violence Prevention within the German Framework of Juvenile Criminal Law. In: Crime Prevention and Criminal Justice, for the XII. United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice 2010, p. 109 published by the Federal Ministry of Justice, pp. 1—29.
6. Winterdyk, John A. Juvenile Justice Systems: International Perspectives. Toronto: Canadian scholars' press, 2002 — 556 p.

СЕКЦИЯ 12.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Войкова Наталья Андреевна

канд. юрид. наук, доцент кафедры банковского права и финансово-правовых дисциплин им. М.М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, РФ, г. Москва

E-mail: voykova.n@mail.ru

CONCEPT OF LEGAL AND FINANCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY

Voykova Natalya

doctor of philosophy, the associate professor of the banking law and financial and legal disciplines of M.M. Speransky of the Russian academy of national economy and public service in case of the Russian President, Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья раскрывает понятие юридической ответственности в теории права, отвечает на вопрос отграничения финансовой ответственности от общей юридической, затрагивает вопросы принудительной реализации ответственности, а также вопрос о том, является ли финансово-правовая ответственность самостоятельным институтом.

ABSTRACT

Article opens concept of legal responsibility of the theory of the right, answers a question of a distinguishing of the financial responsibility from general legal, raises the questions of forced implementation of responsibility, and also a question of, whether is financial and legal responsibility independent institute.

Ключевые слова: юридическая ответственность; финансовая ответственность; налоговый Кодекс Российской Федерации; самостоятельность финансово-правовой ответственности.

Keywords: legal responsibility; financial responsibility; tax code of the Russian Federation; independence of financial and legal responsibility.

При упоминании ответственности в финансовом праве, следует обратиться к базовому понятию, существующему в теории права, – понятию юридической ответственности в целом. Определения юридической ответственности не содержит ни один закон, в связи с чем налицо большое количество определений, выработанных доктринальным путем. Ответственность понимается различными авторами как наказание, как обязанность претерпеть неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, как правоотношение. Широко известен подход О.Э. Лейста, определяющего ответственность как реализацию санкции за правонарушение. При этом в литературе справедливо отмечается, что ответственность не сводится к наказанию или реализации санкции, поскольку может существовать без них, а вот наказание и реализация санкции всегда основываются на ответственности и без нее не могут существовать. Таким образом, понятие юридической ответственности шире, чем понятие реализации санкции и наказания [6]. Более содержательным определением является трактовка юридической ответственности как обязанности лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом, за совершенное правонарушение. Обязанность эта закреплена в правовой норме и возникает с момента совершения правонарушения. При этом реализация этой обязанности может развиваться только на основании решения компетентного органа. Она носит нежелательный характер для субъекта, на которого она возлагается. Неблагоприятные последствия прямо предусмотрены санкцией нарушенной нормы и являются именно мерами юридической ответственности, а не мерами защиты.

В теории права существует так называемое деление юридической ответственности на негативную и позитивную, причем реальное наличие последней вызывает определенные сомнения в области теории права; данная конструкция является теоретической — поскольку в сфере правоприменения механизм реализации существует только для ответственности в так называемом негативном смысле. Выводы ученых о правомерном поведении как о реализации позитивной юридической ответственности представляются логичными, но они не дают оснований для правоприменительной практики

и закрепления в законодательстве понятия позитивной ответственности наряду с негативной. Представляется более близкой позиция, что юридическая ответственность существует исключительно в негативном смысле и не может существовать без совершенного правонарушения.

Наиболее важная характеристика юридической ответственности — эта ответственность имеет государственно-принудительную форму реализации. С момента совершения правонарушения между государством и правонарушителем возникает новое, охранительное правоотношение. Это правоотношение неравноправных сторон, основанное на государственном принуждении. Элементами данного правоотношения выступают права и обязанности правонарушителя и государства. Обязанности правонарушителя сопутствует государственное принуждение. При этом «государственный аппарат является лишь средством реального осуществления государственного принуждения, а само принуждение заложено в норме права» [6].

Следует исходить из того, что ответственность влечет неблагоприятные последствия для нарушителя, а в случае, когда речь идет об имущественной ответственности, то неотъемлемым признаком ответственности будет дополнительное имущественное обременение, возлагаемое на правонарушителя. Данный подход выработан учеными-цивиристами, но он пригоден к использованию не только в рамках гражданского права, но и во всех случаях, когда речь идет об имущественной ответственности. Примером может послужить положение о том, что не является ответственностью принудительное взыскание долга — несмотря на то, что налицо государственно-принудительный характер этой обязанности, у должника, фактически не изымается лишнее, с него взыскивается то, что по закону ему не принадлежит. Уплата же штрафа, неустойки, процентов за незаконное пользование чужими денежными средствами являются мерами имущественной ответственности, так как в этом случае уменьшается имущественная база должника, и часть его собственности поступает в государственную или муниципальную собственность, или же в собственность лица, права которого нарушены — в зависимости от отраслевой принадлежности правоотношения. Любое обращение взыскания на собственные средства нарушителя является мерой юридической ответственности.

Весьма острым и дискуссионным является вопрос, является ли ответственность основополагающим, классифицирующим признаком каждой отрасли, наряду с предметом, методом, принципами. Тот факт, что финансовое право, хотя и выделилось из админи-

стративного права, ныне является самостоятельной отраслью, обсуждению не подлежит. Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос: имеет ли данная отрасль «свою» специфическую ответственность. По замечанию А.С. Емельянова, видов ответственности меньше, чем отраслей права, поэтому нельзя сказать, что ответственность классифицируется по отраслевому принципу [2, с. 48—49]; за нарушение норм различных отраслей может применяться одна и та же ответственность — в действительности, охранительные нормы, содержащиеся в Кодексе РФ об административных правонарушениях [4], служат средством обеспечения установления ответственности за нарушение регулятивных норм множества отраслей права. В то же время, в пределах одной (как правило, комплексной) отрасли могут существовать разные виды ответственности.

Относительно существования ответственности в финансовом праве на данный момент существуют принципиально разные точки зрения, нет единого подхода. Ряд авторов отстаивает существование финансово-правовой ответственности как самостоятельного вида ответственности, и данное мнение, следует признать, является в научной литературе преобладающим. Очень многие находят естественным выделять финансово-правовую ответственность в отдельный вид наряду с самой отраслью и приписывать ей общую конструкцию юридической ответственности, дополняя каждый своими признаками. Таким образом, если сложить все эти мнения воедино, финансово-правовая ответственность будет выглядеть как модель, как некий собирательный образ. Считаю возможным привести авторских высказываний на этот счет. Н.А. Сатарова считает, что наличие финансовой ответственности обусловлено предметом регулирования финансового права, и выделение финансовой ответственности как самостоятельного вида ответственности предопределено именно особенностями «правовой природы соответствующего нарушения, отличной от природы административного, уголовного или гражданского правонарушения» [10]. Недостаток законодательной системы представляется цитируемому автору в том, что охранительные нормы «разбросаны» по отраслям, нет единого кодифицированного акта, устанавливающего единую финансово-правовую ответственность, отсюда утверждения некоторых авторов, что финансово-правовой ответственности не существует.

Наличие самостоятельной финансово-правовой ответственности отстаивают также Ю.А. Крохина [5], О.О. Журавлева [3], А.А. Мусаткина [8] — в работах этих авторов имеются деление финансово-правовой ответственности на позитивную и негативную,

попытки отграничить финансовую, в частности, налоговую ответственность от административной по различным признакам. Основная суть рассуждений этих ученых сводится к тому, что финансово-правовая ответственность — это самостоятельный вид юридической ответственности, реализуется на подотраслевом уровне, возникает из публичного правоотношения; особый акцент единогласно делается на восстановительный характер данной ответственности, в этом она противопоставляется административной и уголовной, имеющим прежде всего карательные функции. Такова позиция большинства исследователей в области финансового права.

Вместе с тем в литературе высказываются и прямо противоположные выводы — в частности, существование финансовой ответственности отрицает Д.Н. Бахрах [1, с. 8—9], аргументируя, что санкции, содержащиеся в финансовом законодательстве, либо являются административными санкциями, либо не являются санкциями вообще.

Представляется, что принципиальная ошибка всех теоретиков, выделяющих финансово-правовую ответственность, заключается в том, что они все санкции за нарушение финансового законодательства смешивают в один вид и обобщают под одни и те же критерии, в то время как между этими мерами наблюдаются существенные различия. Прежде всего, не согласимся с тем, что все в совокупности санкции за финансовые правонарушения носят восстановительный характер. Считаем, что вопрос о правовой природе данных санкций во всех этих работах освещен недостаточно, большинство ученых выделяют финансово-правовую ответственность именно по формальному признаку, по закреплению норм в финансовом законодательстве, а проблема правовой природы остается за рамками. Действительно, очень многие приводят в основу классификации санкций на карательные и восстановительные, подход О.Э. Лейста, который подробно обосновывает цели каждой из этих видов ответственности [6, с. 129], но классификацию эту применяют не в полной мере. Налоговый кодекс Российской Федерации содержит два вида санкций: карательные и восстановительные [9]. Именно к карательным относятся штрафы за совершение налоговых правонарушений, установленные главой 15 Налогового Кодекса Российской Федерации. В данном случае налицо уменьшение имущественной базы должника в пользу государства, причем многие из правонарушений по данной главе не связаны напрямую с причинением имущественного ущерба государству, а, следовательно, о восстановительный характер штрафов не имеет места.

Список литературы:

1. Бахрах Д.Н. «Административная ответственность». М., 2003. — с. 8—9.
2. Емельянов А.С., Черногор Н.Н. «Финансово-правовая ответственность». М., 2004, — с. 48—49.
3. Журавлева О.О. «Финансовая ответственность в системе юридической ответственности» // Финансовое право, 2004, № 4.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1.
5. Крохина Ю.А. «Теоретические основы финансово-правовой ответственности» // Журнал российского права, 2004, № 3.
6. Лейст О.Э. «Санкции и ответственность по советскому праву». М., 1981. — С. 129.
7. Липинский Д.А. «Проблемы юридической ответственности». Спб, 2003.
8. Мусаткина А.А. Соотношение финансовой ответственности с иными видами юридической ответственности // Право и политика. 2009. № 8.
9. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 20.01.2015).
10. Сатарова Н.А. «Некоторые теоретические проблемы обоснования финансовой ответственности как вида юридической ответственности» // Финансовое право, 2005, № 11.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

«ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ»

Сборник статей по материалам
XLV-XLVI международной научно-практической конференции

№ 1-2 (44)
Февраль 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 25.02.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 8,375. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3